

1983

Из истории античного общества

ГОРЬКИЙ-1983

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО.
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ГОРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

ГОРЬКИЙ 1983

Из истории античного общества. Межвузовский сборник. Горький.
Издание ГГУ, 1982, с. 85.

В настоящем межвузовском сборнике (выпуск третий) представлены статьи ученых Горького, Москвы, Новгорода, Тамбова и Феодосии, посвященные исследованию социально-политических и идеологических проблем античных обществ и их культурных контактов с восточными регионами. Ценность работ, включенных в сборник, заключается в том, что авторы в них анализируют материалы нарративных источников, не получивших достаточно глубокого изучения в советской исторической литературе (В. М. Строецкий, Ю. Б. Циркин, С. К. Сизов), а также новейших археологических и эпиграфических данных (М. С. Садовская, С. Ю. Сапрыкин)

Сборник рассчитан на историков античного общества, преподавателей высшей и средней школы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Проф. Фролов Э. Д., доц. Строецкий В. М. (отв. редакторы), д. н. н. Княбе Г. С., д. н. н. Андреев Ю. В., проф. Кузнецов Е. В., доц. Садовская М. С., к. н. н. Сизов С. К. (зам. отв. редактора)

В. М. Строгоцкий

**ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О ПОХОДЕ КСЕРКСА
ПРОТИВ ЭЛЛАДЫ (XI, 1 — 10. ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ ЭЛЛИНОВ И БИТВА
ПРИ ФЕРМОПИЛАХ. ПЕРЕВОД И
КОММЕНТАРИЯ)**

(Горьковский госуниверситет)

В истории Греко-персидских войн решающими была 481—480 гг. В это время завершается процесс консолидации патриотических сил эллинов, объединившихся для борьбы против персидского нашествия.

Битва при Фермопилах продемонстрировала высокий моральный дух греков, способных на самопожертвование ради достижения свободы и независимости.

Наиболее детально события этих лет изложены у Геродота (VII кн.). Еще совсем недавно Геродота обвиняли в том, что он систематически искажал факты в силу своего субъективного отношения к некоторым греческим полисам. Утверждали, что в основе его информации лежат либо сплетни и слухи, либо сведения, почерпнутые из сочинений других авторов. Его обычное умолчание об источниках объясняли как умышленный плагиат¹.

Геродота подвергали критике и как военного историка. Были высказаны сомнения в историчности описываемых им сражений².

Однако в настоящее время благодаря более тщательному изучению самого текста сочинения, сопоставлению его с данными археологии, исследованию обстоятельств его возникновения и личности автора удалось восстановить доброе имя Геродота как правдивого и добросовестного историка³.

Лишь одно обвинение в адрес Геродота еще не изжито до конца, возможно, потому, что оно высказано такими выдающимися авторитетами, как Э. Мейер, Ф. Якоби, С. Я. Лурье⁴.

Некоторые современные исследователи⁵ утверждают, что История Геродота представляет собой панегирик Афинам. По их мнению, Геродот, находясь в Афинах, всецело стал на сторону правящей политической партии, руководителем ко-

торой был Перикл, принадлежащий к роду Алкмеонидов. Под влиянием этой партии и по заказу Перикла Геродот и написал свой труд, в котором, изображая борьбу греков против персов, прославил Афины, показав их превосходство над другими греческими полисами, и особенно над Спартой, стремясь доказать наличие у Афин морального права на гегемонию в Элладе.

Такой подход к Геродоту нам представляется слишком модернизированным. Геродот не был проафински настроенным историком и не выражал в своем сочинении только афинскую точку зрения. Уже в первой книге своей Истории он на передний план выдвигает Спарту и Афины, считая их в равной мере могущественными ореди эллинов, и в последующих книгах он излагает их историю параллельно⁶.

Некоторые современные исследователи часто преувеличивают следы тенденциозности Геродота, забывая, что она уже присутствовала в той информации, которую он получил. В этом смысле справедливое замечание высказал в свое время Г. Овет, заявив, что «не нужно видеть предубеждение Геродота в том, что он хвалит Афины за инициативу, проявленную их лидерами, и самопожертвование их граждан. Учитывая это, большинство историков, если они намерены дать объективную оценку событиям, должны были бы подчеркнуть выдающуюся роль, которую Афины сыграли в войне»⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые современные исследователи, защищая достоверность сведений Геродота, стали впадать в другую крайность, утверждая, что для реконструкции событий Греко-персидских войн сочинения поздних античных авторов не представляют совершенно никакой ценности⁸. Получило распространение мнение о том, что античные авторы эллинистического и римского периодов, в сочинениях которых нашли отражение события Греко-персидских войн (Диодор, К. Непот, П. Трог, Плутарх и др.), в основе своей руководствовались прежде всего сочинением Эфора, а также черпали информацию из второстепенных источников, не представляющих собой исторической ценности⁹.

Что же касается Эфора, то его выводы о событиях Греко-персидских войн рассматриваются как результат рационалистической реконструкции сообщений Геродота, собственной интерпретации «Персов» Эсхила, а также использования сведений других источников и переработки их в духе Исократовой риторики и моралистической философии¹⁰.

Поэтому для всей поздней традиции о Греко-персидских войнах, как считают отмеченные выше исследователи, в той или иной степени характерны три особенности: влияние риторики, чистая фикция и ошибочно понятая ранняя традиция¹¹.

Мы не разделяем это категорическое суждение и склонны согласиться с мнением Я. А. Ларсена, согласно которому «необходимо всегда помнить, что Геродот, Фукидид и другие наши главные информаторы иногда опускают ценную для нас информацию, что же касается второстепенных историков, то не следует исключать возможность того, что они нередко сохраняют ценные сведения, по тем или иным причинам не упоминаемые предыдущими авторами»¹².

Это прежде всего относится к Исторической библиотеке Диодора Сицилийского, в XI книге которой изложены события Греко-персидских войн. В литературе после Геродота это единственный сохранившийся до настоящего времени более или менее полный и последовательный рассказ об этом событии.

Значение сообщаемого Диодором материала также заключается в том, что он в отличие от Геродота и Фукидида пользуется абсолютной хронологией. И хотя его хронологическая система далека от совершенства, тем не менее избранный Диодором анналистический и синхронистический способ изложения материала и датировка событий в соответствии со списком афинских архонтов, римских консулов и олимпийских победителей в значительной степени помогает современному исследователю зафиксировать исторические события, представленные в трудах упомянутых выше историков.

В исторической литературе наиболее спорным является вопрос об источниках Диодора и способах его работы. В XIX в. утвердилось негативное отношение к Диодору, в котором видели не более чем компилятора, механически переписывавшего сочинения своих авторитетов, в частности, для греческой истории в XI—XV книгах, как доказывал Хр. Фольквардсен, единственным источником Диодора был Эфор¹³. Этот вывод был результатом сложившегося в то время аналитического метода в изучении Исторической библиотеки, согласно которому исследователи расчленяли текст на составляющие части и выявляли лежащие в их основе главные источники.

Между тем накопившийся в области изучения источниковедческих проблем с филологической, историко-критической и философской точек зрения материал привел некоторых исследователей к мысли о необходимости его синтезирования. Поэтому особенностью современного этапа в изучении литературного наследия Диодора является наряду с традиционным аналитическим подходом к Исторической библиотеке также комплексный метод ее исследования, наметившийся у целого ряда ученых, начиная с 30-х годов¹⁴. Сторонники этого метода рассматривают Историческую библиотеку как единое литературное целое, несущее отпечаток личности автора,

его идеи и цели и обладающее определенной степенью художественного обобщения.

Значительное влияние на развитие современных исследований об Исторической библиотеке оказало сочинение И. Пальма «О языке и стиле Диодора Сицилийского»¹⁵. Пальм обнаружил многие черты сходства в языке Диодора в Эфора, причем они встречаются даже там, где Эфор не являлся источником Диодора. На этом основании автор утверждает, что скорее нужно говорить не о рабской зависимости Диодора от Эфора, но о простом совпадении стилей этих писателей¹⁶.

Что касается отношения Диодора к Фукидиду, то Пальм находит бессмысленным утверждение исследователей, что Диодор пользовался Фукидидом из вторых рук¹⁷. Как заявляет исследователь, «между Фукидидом и Диодором нет места для Эфора». Вероятно, Диодор в равной мере располагал сочинениями как Фукидида, так и Эфора, которые служили для него *Grundquelle*¹⁸.

Исследование грамматики, словарного состава и фразеологии сочинения Диодора, осуществленное Пальмом, подтвердило правильность выводов некоторых его предшественников о том, что для Исторической библиотеки характерно единство языка и стиля. Пальм склонен видеть в Диодоре образованного человека, достаточно опытного в литературе и способного дать верную картину литературных вкусов своего времени. Историческую библиотеку он рассматривает наравне с Всеобщей историей Полибия как важнейший источник для изучения греческой эллинистической прозы¹⁹.

В соответствии с этим современные исследователи Исторической библиотеки находят следы гораздо большей самостоятельности Диодора в работе с источниками и видят главную задачу исторической критики в соглашении сведений Диодора с данными Геродота, Фукидида и Плутарха, а также материалами археологии, ибо только таким образом можно реконструировать подлинную хронологию и историю Греко-персидских войн.

Руководствуясь этими соображениями, мы посчитали целесообразным предложить читателю наш перевод и историко-критический комментарий первых II глав XI книги Исторической библиотеки. Перевод указанных глав выполнен нами с греческого текста, изданного Фр. Фогелем и К. Т. Фишером²⁰.

Кн. XI, гл. I.

I. Итак, предыдущая, десятая книга всего сочинения заканчивалась событиями года, предшествовавшего походу Ксеркса в Европу, и сообщением об имевших место обсуждениях на общем собрании эллинов в Коринфе возможности

заклучения союза с Гелоном¹. В этой же книге, восполняя непрерывность истории, мы начнем с описания похода Ксеркса против эллинов и закончим годом, который предшествовал походу афинян на Кипр под руководством Кимона². 2. В архонтство в Афинах Каллиада³ римляне избрали консулами Спурия Кассия и Прокла Вергиния Трикоста, а у элейцев была проведена 75 Олимпиада, на которой в беге победил Астид из Сиракуз⁴. При них царь Ксеркс выступил против эллинов, побуждаемый следующей причиной. 3. Перс Мардоний был двоюродным братом и шурином Ксеркса и благодаря знаниям и храбрости он пользовался у персов величайшим почетом. Преисполненный гордости и находясь в зрелом возрасте, он стремился стать предводителем большого войска; поэтому он убедил Ксеркса поработить эллинов, всегда враждебно настроенных против персов⁵. 4. Ксеркс же, согласившись с ним и желая всех эллинов изгнать из их отечества, отправил посольство к карфагенянам относительно совместных с ними военных действий и договорился с ними⁶, что он сам отправится в Элладу против живущих там эллинов, а карфагеняне в это же время, приготовив большие силы, вступят в войну с эллинами, живущими в Сицилии и Италии. 5. Итак, в соответствии с условиями договора карфагеняне, собрав большие средства, стали нанимать наемников из Италии, Лигурии, а также из Галатии и Иберии⁷, кроме того, во всей Ливии и в Карфагене они производили набор воинов среди граждан; занимаясь этими приготовлениями в течение трех лет, они наконец собрали более 300 тысяч пехоты и 200 кораблей.

Кн. XI, гл. 2.

1. Ксеркс же, соревнуясь с карфагенянами в усердии, настолько превзошел их во всех приготовлениях, насколько превосходил карфагенян большим количеством народов, находившихся под его властью. Он начал строить корабли на всей подвластной ему территории: в Египте, Финикии, Кипре, кроме того, в Киликии, Памфилии, Писидии, а также в Ликии, Карии, Мисии, Троаде, в городах Геллеспонта, в Вифинии и Понте⁸. Подобно карфагенянам, занимаясь приготовлениями в течение трех лет, он снарядил более 1200 военных кораблей⁹. 2. Помог ему и отец Дарий, который перед смертью позаботился о приготовлении больших сил; и действительно, он, будучи побежден афинянами в битве при Марафоне, когда Датис был главнокомандующим, питал ненависть к победителям. Однако Дарий, намеревающийся уже выступить против эллинов, не смог осуществить свой замысел по причине смерти¹⁰, Ксеркс же в соответствии с планом отца и советом Мардония, как уже отмечалось, принял решение начать войну с эллинами. 3. Как только у него все

было готово к походу, он приказал навархам собрать корабли в Киме и Фокее, сам же, набрав из всех сатрапий пехоту и конницу, выступил из Суз. После того как он прибыл в Сарды¹¹, послал в Элладу вестников, приказав им являться во все города и требовать у эллинов землю и воду¹². 4. Разделив войско, достаточное число людей он отправил, чтобы постронть мост через Геллеспонт и прорыть канал через Афон на перешейке полуострова¹³. Таким образом, с одной стороны, он обеспечивал войску короткий и безопасный путь, с другой — надеялся, что величие дел прежде устрасит эллинов. Те, кого он послал для осуществления этих планов, быстро справились с работой благодаря множеству рабочих рук. 5. Эллины, узнав о численности персидских войск, послали в Фессалию 10 тысяч гоэлитов с тем, чтобы занять проходы в Темпейской долине; лакедемонянами командовал Эвенет, афинянами — Фемистокл¹⁴. Отправив в города посольства, они призывали прислать войска для совместной защиты проходов; ведь они добивались, чтобы все эллинские города приняли участие в оборонительных мероприятиях, и стремились организовать общеэллинскую войну против персов. 6. Когда большинство фессалийцев и других эллинов, расположенных поблизости от проходов, предоставили землю и воду прибывшим послам от Ксеркса, они, отказавшись от намерения организовать оборону в Темпейской долине, возвратились домой¹⁵.

Кн. XI, гл. 3.

1. Полезно выделить среди эллинов тех, которые выступили на стороне персов, чтобы, подвергнув их осуждению, удержать таким образом других от предательства дела общей свободы. 2. Итак, эпнаны, долопы, жители Мелиды¹⁶, перрабы и уроженцы Магнезии выступали вместе с варварами еще тогда, когда войско эллинов находилось в Темпейской долине после того, как оно удалилось оттуда, жители Ахайи Фтиотидской, Локриды, Фессалии и большая часть беотийцев также перешли на сторону варваров¹⁷. 3. Участники совещания на Истме¹⁸ постановили в случае победы обложить десятиной в пользу богов тех эллинов, которые добровольно воевали на стороне персов¹⁹, к другим же, сохраняющим нейтралитет, отправить посольство, призывая их вместе сражаться за общую свободу. 4. Из этих последних одни добровольно избрали союз, другие свой выбор оттягивали на длительное время, заботясь лишь о собственной безопасности и выжидая, чем кончится война²⁰; аргивяне, отправившие послов на общее собрание, обещали присоединиться к союзу, если им будет уступлена часть гегемонии. 5. Спунедры им ясно ответили, что если они считают более ужасным иметь в качестве стратега эллина, чем деспота варвара, то лучше

пусть сохраняют нейтралитет, если же стремятся получить гегемонию над эллинами, то следует добиваться такой славы, совершив достойные поступки²¹. После этого, когда послы Ксеркса прибыли в Элладу и требовали землю и воду, все города²² своими ответами продемонстрировали заботу об общей свободе. 6. Ксеркс же, узнав, что мост через Геллеспонт построен и что канал через Афон прорыт²³, выступил из Сард в направлении Геллеспонта; и как только он пришел в Абидос²⁴, по мосту переправил войско в Европу. Двигаясь по территории Фракии, он включал в свое войско многих воинов; как фракийцев, так и из числа эллинов, живущих с ними по соседству. 7. Когда же он прибыл в город, называемый Дориск²⁵, сюда вызвал флот с тем, чтобы армия и флот были собраны в одном месте. Он произвел смотр всего войска, пехоты в нем насчитывалось более 800 тысяч, а всех военных кораблей было более 1200, из которых эллинских — 320, причем основную массу людей для службы на флоте доставили эллины, а корабли — царь, все остальные корабли были варварскими; и из них египтяне доставили 200, финикийцы — 300, киликийцы — 80, ламфилийцы — 40, ликийцы — столько же, кроме того, карийцы — 80 и киприоты — 150. 8. Из эллинов дорийцы, которые живут у границ Карики, вместе с жителями Родоса и Коса послали 40 кораблей, ионийцы вместе с жителями Хиоса и Самоса — 100, эолийцы вместе с жителями Лесбоса и Тенедоса — 40, жители Геллеспонта вместе с теми, которые живут у Понта, — 80, островитяне же — 50; ведь царь уже давно подчинил острова между Кяанеями, Триопием и Сунием²⁶. 9. Итак, столько насчитывалось триер, судов же для перевозки конницы было 850, тридцативесельных (триаконтер) кораблей — три тысячи²⁷. Итак, Ксеркс, занятый смотром сил, находился в Дориске. Кн. XI, гл. 4.

1. Когда сунедры эллинов получили известие, что войска персов находятся недалеко, было решено быстро отправить флот к Артемисию на Эвбее, так как они рассматривали это место как наиболее удобное для сражения с врагами, а в Фермопилы послать достаточное количество гоплитов, чтобы они, заблаговременно заняв узкий проход, помешали проникновению варваров в Элладу²⁸; ведь таким образом они надеялись удержать тех, кто выступал на стороне эллинов, и по мере возможности защитить союзников. 2. Всем флотом командовал лакедемонянин Эврибиад, а спартанский царь Леонид, гордясь своей храбростью и искусством стратега, командовал теми, кто был послан в Фермопилы²⁹. Приняв командование, он повелел следовать за ним в поход только 1000 человек³⁰. 3. Хотя эфоры убеждали его, что слишком небольшой отряд ведет против столь большого числа персов,

и заставляли взять больше воинов, он ответил им на тайном заседании, что этого количества воинов действительно немного для того, чтобы помешать варварам овладеть проходами, однако для дела, ради которого они теперь идут, их достаточно много. 4. Так как ответ оказался загадочным и неясным, его спросили: разве он намеревается вести воинов на какое-либо ничтожное дело. Леонид ответил, что формально он ведет воинов для защиты проходов, на деле же, чтобы умереть за общую свободу эллинов. Поэтому, если отправится 1000 воинов, они прославят Спарту, хотя сами погибнут; если же все лакедемоняне выступят в поход, это совершенно погубит Спарту; ведь никто из них не дерзнет обратиться в бегство, чтобы спасти свою жизнь³¹. 5. Итак, лакедемонян было 1000 человек и вместе с ними 300 спартиатов, других же эллинов, которые вместе с этими отправились к Фермопилам, насчитывалось 3 тысячи. 6. Таким образом, Леонид вместе с 4 тысячами воинов выступил к Фермопилам, а локрийцы, живущие недалеко от проходов, дали землю и воду персам и обещали им заранее занять проходы; однако, как только они узнали, что Леонид прибыл в Фермопилы, передумали и перешли к эллинам³². 7. Пришли же в Фермопилы 1000 локрийцев, столько же жителей Мелиды и немногим менее 1000 фокийцев, также прибыло около 400 фиванцев, представителей одной из соперничающих группировок, поскольку жители Фив расходились друг с другом во мнениях относительно союза с персами³³. Таково было количество эллинов, собравшихся вместе с Леонидом в Фермопиях в ожидании прибытия персов.

Кн. XI, гл. 5.

1. Ксеркс же после смотра сил тотчас выступил вперед вместе со всем войском и вплоть до города Аканфа³⁴ весь флот плыл вдоль побережья параллельно продвигающейся пехоте, а отсюда через прорытый канал он быстро и безопасно переправился в другое море. 2. Когда Ксеркс прибыл в Малийский залив³⁵, то узнал, что враги заняли проходы. Поэтому, предоставив отдых войску, сюда призвал союзников из Европы немногим менее 200 тысяч, так что всего он имел воинов не меньше одного миллиона, помимо морских сил³⁶. 3. Вся масса тех, кто нес службу, на военных кораблях, и тех, кто занимался доставкой продовольствия и другими приготовлениями, была не менее той, о которой уже упоминалось, поэтому неудивительно то, что рассказывают о множестве собранных Ксерксом людей; ведь утверждают, что вечно текущие реки истощились вследствие постоянного пребывания на одном месте огромной массы народа, а моря были полностью покрыты парусами кораблей. Итак, сообщают, что Ксеркс собрал самое большое войско из тех, что переда-

ет история. 4. После того как персы расположились лагерем у реки Сперхей³⁷, Ксеркс послал вестников в Фермопилы, чтобы узнать, каковы планы эллинов в отношении войны против него; он также поручил передать эллинам, что царь Ксеркс приказывает всем сложить оружие, не подвергаясь опасности, удалиться на родину и стать союзниками персов, и тем эллинам, которые примут его условия, он пообещал дать земли больше и лучше той, которую они теперь имеют. 5. Эллины во главе с Леонидом, выслушав вестников царя, ответили, что они и союзниками царю будут более полезны с оружием и, вынужденные воевать, с оружием будут более доблестно сражаться за свободу; что же касается земли, которую царь обещает дать, то на это ответили, что у эллинов есть отцовский обычай — не трусостью, но доблестью приобретать землю³⁸.

Кн. XI, гл. 6.

1. Царь, услышав от вестников ответы эллинов, призвал спартамца Демарата, бежавшего к нему из Спарты, и, намекаясь над ответами, спросил лаконца: «Побегут ли эллины быстрее моих коней или осмелятся противостоять столь могущественным силам?» 2. Говорят, что Демарат ответил таким образом: «Как будто ты сам не знаешь храбрости эллинов, ведь восставших варваров ты покоряешь эллинскими силами; поэтому не думай, что те, кто лучше персов защищает твою власть, окажутся менее опасными для персов, сражаясь за свою свободу»³⁹. Ксеркс же, улыбнувшись, предложил ему следовать за ним, чтобы он увидел бегущих лакедемонян. 3. Взяв войско, он прибыл к эллинам в Фермопилы, оставив впереди всех народов мидийцев — либо потому, что предпочитал их за храбрость, либо желая всех погубить; ведь у мидийцев еще сохранялось некоторое высокомерие, так как они недавно лишились гегемонии, которую имели их предки. 4. Он напомнил мидийцам, что в Марафонском сражении погибли их братья и сыновья, полагая, что они с большим усердием будут мстить эллинам. Итак, мидийцы, построенные таким образом, бросились на защитников Фермопил; Леонид же, хорошо подготовившись, повел эллинов к наиболее узкой части прохода⁴⁰.

Кн. XI, гл. 7.

1. Когда началась жестокая битва и в то время как варвары имели свидетелем их доблести самого царя, а эллины, призываемые Леонидом к сражению, помнили о свободе, те другие с удивительной стойкостью переносили опасность. Так как сражение было вблизи и удары наносились вручную и поскольку образовалась плотная толпа борющихся, то в течение долгого времени битва шла с переменным успехом. Поскольку эллины превосходили варваров доблестью

и размером щитов, мидийцы наконец подались назад, ибо многие из них пали на поле боя и немало было раненых. Тогда в битву вступили поставленные вслед за мидийцами кисийцы и саки, отобранные за доблесть, и хотя свежие силы вступили в сражение с уставшими, тем не менее и они недолго смогли выдержать бой и, погибая под ударами воинов Леонида, вынуждены были отступить. 3. Ведь, пользуясь небольшими и легкими щитами, варвары имели преимущество на открытой местности, так как были очень подвижны, а в узком месте они не могли легко поражать врагов, тесно стоявших возле друг друга и большими щитами прикрывавших все тело, сами же из-за легкости оборонительного вооружения, ослабленные частыми ранениями, погибали. 4. Наконец, Ксеркс, видя, что вся территория перед проходом усеяна трупами и что варвары не могут преодолеть мужество эллинов, послал отборнейших из персов, так называемых бесмертных и вследствие доблести занимающих первое место среди воинов, участвующих в походе. Когда же и они после короткого боя побежали, тогда с наступлением ночи он прекратил сражение, так как у варваров погибло множество, у эллинов же пали немногие⁴¹.

Кн. XI, гл. 8.

1. На следующий день Ксеркс, поскольку битва завершилась вопреки его ожиданиям, из всех народов выбрал тех, которые благодаря своей храбрости и мужеству считались первыми, и после долгих увещаний объявил им, что прорвавшимся через проход даст достойные дары, а те, которые побегут, будут преданы смерти. 2. Когда они огромной толпой и с силой нагрянули на эллинов, воины во главе с Леонидом, сомкнув ряды и сделав нечто подобное стене, ожесточенно сражались в рукопашном бою. Они настолько превосходили устремлениями, что не соглашались, чтобы в соответствии с обычаем пришедшие им на смену вступили в битву, но, непрерывно сопротивляясь, погубили многих из отборных варваров. 3. Весь день они были заняты тем, что состязались друг с другом, стойко преодолевая опасности; ведь ветераны превосходили юношей зрелостью⁴², молодые же воины стяжали опыт и славу старших. Когда, наконец, побежали и отборные воины, те, которые занимали позицию позади варваров, сомкнувшись, не позволяли им отступать, поэтому они вынуждены были снова возвращаться и вступать в сражение⁴³. 4. Когда царь стал сомневаться и считал, что никто уже не пойдет в бой, прибыл к нему какой-то трахиниец из местных жителей, хорошо знающий эту гористую местность. Придя к Ксерксу, он обещал провести персов по узкой и обрывистой тропе и говорил, что те, кто за ним последуют, окажутся в тылу эллинов, во главе с Леонидом удерживающих проход,

и, таким образом окружив их со всех сторон, легко уничтожат. 5. Царь обрадовался и, наградив дарами трахинийца, послал вместе с ним ночью двадцатитысячный отряд⁴⁴. У персов же был некто по имени Тирастнад, родом из Кимы, человек честный и благородного образа мыслей, который, убежав ночью из персидского лагеря, прибыл к Леониду и рассказал ему все о трахинийце⁴⁵.

Кн. XI, гл. 9.

1. Услышав об этом, эллины среди ночи сошлись на собрание и стали совещаться о надвигающихся опасностях. Некоторые говорили, что нужно тотчас, оставив проходы, спасаться у союзников, ибо тем, кто останется здесь, нет надежды на спасение; Леонид же, царь лакедемонян, будучи по своей природе честолюбивым и стремясь снискать себе и спартамцам большую славу, приказал, чтобы все другие эллины удалились и сохранили себя для будущих сражений, в которых бы они участвовали совместно с эллинами, а самим лакедемонянам он сказал, что следует остаться и охрану проходов не покидать; ведь подобает, чтобы предводители Эллады, сражаясь ради высшей славы, с готовностью отдали жизнь. 2. Итак, все прочие тотчас удалились, а Леонид вместе с гражданами совершил героический и необыкновенный поступок; хотя лакедемонян было немного, ибо Леонид удержал одних только феспийцев, и всех воинов имел не более 500, тем не менее он был готов принять смерть за Элладу⁴⁶. 3. После того как персы вместе с трахинийцем, обойдя неприступные проходы, внезапно окружили воинов Леонида, эллины, потеряв надежду на спасение и предпочитая сохранить о себе славу, единогласно стали просить своего предводителя вести их на врагов раньше, чем персы узнают, что обходной маневр удался. 4. Леонид же, похвалив готовность своих воинов, приказал им наскоро позавтракать, поскольку мол, пообедают они уже в Аиде, после чего и сам в соответствии с этим распоряжением подкрепился, потому что считал, что благодаря этому они смогут долгое время быть сильными и стойко переносить опасности. Когда же они, быстро приняв еду, все были готовы, он приказал воинам ворваться в персидский лагерь, убивать всех, кто попадется, и пробиваться к палатке царя.

Кн. XI, гл. 10.

1. Итак, они в соответствии с приказом сомкнутым строем еще ночью во главе с Леонидом напали на лагерь персов; варвары же в результате внезапного нападения и незнания в большом замешательстве беспорядочно выбегали из палаток и, полагая, что те, кто отправились вместе с трахинийцем, погибли и все эллинское войско обрушилось на них, были охвачены страхом. 2. Поэтому-то многие были убиты

войсками Леонида, а еще больше погибло скорее от своих, чем от врагов, из-за незнания обстановки. Ведь ночь не позволяла установить истину, а замешательство, охватившее войско, как и следует в этом случае, принесло ужасное кровопролитие; убивали друг друга, так как обстоятельства не давали возможности осмотреться, тем более что не было ни указаний начальника, ни условий, чтобы спросить о пароле, и вообще не было твердости мысли. 3. Итак, если бы царь оставался в палатке, легко был бы убит эллинами, и тогда вся война быстро подошла бы к концу; однако Ксеркс выскочил из палатки, как только возник шум, а эллины, ворвавшись в нее, убили почти всех, кого там застали. 4. Так как была ночь, они, естественно, бродили по всему лагерю в поисках Ксеркса; с наступлением же дня истинное положение дел обнаружилось, и персы, увидев незначительное число эллинов, отнеслись к ним с презрением, тем не менее прямо на них они не нападали, боясь их мужества, но, окружая их с флангов и с тыла и отовсюду стреляя из лука и бросая дротики, всех убили. Итак, все те, которые вместе с Леонидом защищали проходы в Фермопилах, погибли таким образом⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Myres J. Herodotus, Father of History. Oxf., 1953, p. 25 ff.; Hignett C. Xerxes, Invasion of Greece. Oxf., 1963, p. 36 ff.; Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота. — В кн.: Геродот. История. Пер. Стратановского Г. А. Л., 1972, с. 494 сл.

2. Ibid.

3. Ibid.

4. Meyer E. D. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 11, Halle, 1899, s. 162—169; idem Geschichte des Altertums. Bd. 111, 1937, s. 242 ff.; Bd. IV, 1939, s. 126 ff.; Jacoby F. Herodotos. RE, Suppl. Bd. 11, 1913, sp. 205 ff; 237 ff; 352 ff; idem Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens, Oxf., 1949, p. 221 ff.; 321 N 5; 322 N 11; Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947, с. 57 сл.

5. См. об этом нашу ст. Геродот и Алкмеониды. — ВДИ № 3, 1977, с. 145 сл.

6. Там же.

7. Hauvette A. Herodote historien des guerres médiques, Par., 1894, p. 43.

8. Hignett C. op. cit., p. 7 ff.

9. Ibid.

10. Ibid., p. 15 ff.

11. Ibid., p. 18.

12. Larsen J. A. The Constitution and Original Purpose of the Delian League. In: Harv. Studies in Classic. Philol., vol LI, 1940, p. 177.

13. Volquardsen Ch. A. Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichten bei Diodor. Buch XI—XV, Kiel, 1866; см. также Colman G. De Diodori Siculi fontibus, Lpz., Diss., 1869; Wachsmuth C. Über das Geschichtswerk des sikelioten Diodors., Bd. 1—11, Lpz., 1892; idem. Einleitung in das Studium der alten Geschichte, Lpz., 1866, s. 91 f; 103.

14. Scherr A. Diodoros XI Buch. Kompositionen und Quellenstudien. Tüb., 1933; Kunz M. Zur Beurteilung der Prooemien in Diodors historischen Bibliothek. Diss. Zurich, 1935; Farrington B. Diodorus Universal Historian. Swansca Univ. of Wales Pr., 1937. Troilo E. Considerazioni zu Diodoro Siculo e la sua storia universale.—in «Atti dell'Istituto Veneto die Scienze lettere ed Arti», Anno Acc. 1940—41, tomo C. parte seconda, classe die scienze mor. e Lettere, p. 17—42.
15. Palm J. Über Sprache und Stil des Diodoros von Sicilien. Ein Beitrag zur Beleuchtung der hellenistischen Prosa. Lund., 1955.
16. Ibid., s. 55 f.
17. Ibid., s. 60 ff.
18. Ibid., s. 62. См. также Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. Gotha, 1892—1904, s. 707.
19. Ibid., s. 12—13.
20. Diodorus Siculus Bibliotheca historica rec. Fr. Vogel et Th. Fischer. vol. I—V, Lpz., 1888—1906.

КОММЕНТАРИИ

1. Ср. Hdt., VII, 145; 157—163. См. литературу How W. Wells J. A. Commentary on Herodotus, vol. II. Oxf., 1957, Hdt., VII, 157; Glotz G. Histoire Grecque., t. II: La Grèce au V Siecle. Par., 1931, p. 59, N 83; Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. Oxf., 1963, p. 17, N 3—4; 95; 99 ff; Bengtson H. Griechische Geschichte. Münch., 1969, s. 171, Anm. 2.
2. 480—451 гг. до н. э.
3. 480 г. до н. э. ср. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 204. К этому см. также Hignett C. op. cit., Append. XIV, p. 449 f.
4. Астиа был родом из Кротона и лишь в угоду Гиерону объявил себя сиракузянином (см. Paus., VII, 13, 1). Однако это могло случиться только после 478 г., когда в результате смерти Гелона его брат Гиерон стал тираном Сиракуз (см. Bengtson H. op. cit., s. 184; 216 f).
5. См. также Hdt., VII, 5, ср. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 94 сл.; Дьяконов М. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.-Л., 1956, с. 441; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 120 сл. Мардоний был сыном Гобрия, персидского военачальника и вельможца Дария. Его мать была сестрой Дария (Hdt., VII, 5), а он сам женился на дочери Дария в 492 г. (Hdt., VII, 32, 1).
6. Ср. Ephor. frg. 186 (= Jacoby F Gr Hist., II, 70) Diod., XI, 20. Дискуссию об этом см. Glotz G. op. cit., p. 45; Hignett C. op. cit., p. 96, N 1; Bengtson H. op. cit., s. 170, Anm. 1.
7. Галлия и Испания.
8. Дiodор, перечисляя местности, придерживается чисто географического принципа.
9. Геродот (VII, 89 ff) дает цифру 1207. См. также Эсхил (Pers., 341 f). Эти цифры, бесспорно, очень завышены. К этому см. Hignett C. op. cit., p. 94; Append. 1, p. 345 ff; Bengtson H. op. cit., s. 170.
10. Ср. Hdt., VII, 1, 4.
11. Ксеркс прибыл в Сарды, возможно, осенью 481 г. Это вытекает из сообщения Геродота (VII, 37, 1), что войско Ксеркса перезимовало в Сардах (см. к этому Hignett C. op. cit., p. 95).
12. Вопрос о посольствах спорный. Ю. Белох (Beloch K. J. Griechische Geschichte, Bd. II, 2. Berl., 1924, s. 86); Г. де Санктис (Sanctis G. Gli Ostaggi Egineci in Atene e la guerra fra Atene ed Egina.—Rivista di fil. N. s. 8, 1930, p. 292 ff). Г. Бенгтсон (Bengtson H. op. cit., s. 157, 171) считают, что только Ксеркс впервые отправил посольства в Афины; Г. Бузольт (Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. II, Gotha,

1896, s. 571), Е. Велькер (Walker E. *CAH*, vol. IV. *Cambr.*, 1926, p. 269), К. Вижерт (Wickert K. *Der peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende des Archidamischen Krieges*. Erl.—Nürnberg, 1961, s. 36) признают достоверными оба посольства. Геродот очень четко проводит различие между двумя посольствами, указывая причины, по которым Ксеркс вторично требовал от эллинов землю и воду (*Hdt.*, VI, 48; VII, 32; 132; 133; Paus., III, 12, 7). Правда, Диодор (XI, 2, 3) и Плутарх (*Them.*, 6) сохранили упоминание лишь о посольствах Ксеркса. Однако это не может опровергнуть достоверность сведений Геродота. С доверием к геродотовской традиции относятся и ученые-востоковеды (см. Olmstead A. T. *History of the Persian Empire*. Chicago, 1948, p. 159; Дандамаяев М. А., Луконин В. Г., *ук. соч.* с. 24 сл.).

13. Ср. *Hdt.*, VII, 22—24. К этому см. How W. Wells J. A. *Commentary on Hdt.*, VII, 22—24; Hignett C. *op. cit.*, p. 94.

14. Более подробно об этом говорят Геродот (VII, 172—174). Экспедиция имела место весной 480 г. (ср. *Hdt.*, VII, 174). Отрицательное отношение Де Санктиса (G. de Sanctis. *op. cit.*—*Riv. di fil.* N. s. 8, 1930, p. 339) к этим сообщениям Геродота и Диодора необоснованно, ср. Hignett C. *op. cit.*, p. 102 f и Bengtson H. *op. cit.*, s. 172.

15. Причины отказа эллинов закрепиться в Фессалии Геродот и Диодор объясняют по-разному. Согласно Геродоту, главной причиной быстрого возвращения эллинского войска на Истм был страх эллинов, поскольку они узнали, что войско персов было очень многочисленным, а проходов, которые вели из Верхней Македонии в Фессалию, несколько (четыре, как отмечает Hignett C. *op. cit.*, p. 103). Диодор же сообщение Геродота о страхе эллинов и существовании нескольких проходов опускает и считает главной причиной неудачи экспедиции переход на сторону персов большинства фессалийцев и других эллинов, живших по соседству (IX, 2, 6). По мнению же Геродота, фессалийцы откровенно и без колебаний перешли на сторону персов, только когда оказались покинуты эллинами (*Hdt.*, VII, 174). То, что Диодор не упоминает о страхе эллинов, возможно, объясняется влиянием традиции, идущей от Эфора, которая изображала греков, объединившихся для борьбы против персов, более патристически настроенными. Утверждение Диодора о том, что большинство фессалийцев и других эллинов, живущих по соседству, перешли на сторону персов до того, как эллиское войско покинуло Темпейскую долину, не находится в совершенном противоречии с Геродотом, который отмечал, что фессалийцы под давлением Алеватов одними из первых перешли на сторону персов (*Hdt.*, VII, 172). Кроме того, упоминание Геродота об отправлении Ксерксом посольств в эллиские области с требованием земли и воды (*Hdt.*, VII, 32) предполагает, как видно из последующих суждений историка (*Hdt.*, VII, 138), что часть эллинов могла признать персидское господство еще до событий 480 г. К этому см. Westlake H. D. *The Medism of Thessaly*.—*J H S*, vol. LVI, 1936, p. 1, p. 12—24. Sealey R. A. *A History of the Greek States 700—336 B. C.* Berkeley, 1976, p. 207 f; Rebertson N. *The Thessalian Expedition of 480 B. C.*—*J H S*, vol. 96, 1976, p. 100—120.

16. Имеется в виду народ, живший в Сев. Фессалии, а не на острове Мелос в Южной Эгее.

17. Список греков, перешедших на сторону персов, составлен Диодором по Геродоту (ср. *Hdt.*, VII, 132). Деление их на две группы вызвано тем, что Диодор уже раньше говорил о тех эллинах, которые признали персидское господство. Основанием для этого могли послужить, как мы уже отмечали выше, некоторые суждения Геродота. См. к этому Grundy G. *The Great Persian War*. Lond., 1901, p. 221—223; Westlake H. D. *op. cit.*—*JHS*, vol. LVI, 1936, p. 1, p. 20 f; Hignett H. C. *op. cit.*, p. 103—105.

18. Имеется в виду конгресс панэллинской лиги, заключенной для

борьбы против персов, ср. Hdt., VII, 132; 145; 148; 172; Plut Them., 6; De Herod. mal. 28. К этому см. Brunt F. A. The Hellenic League against Persia. — Historia, Bd II, 1953, p. 135—165; Hignett C. op. cit., p. 96 f.; Sealey R. op. cit., p. 205 ff; Bengtson H. op. cit., s. 171.

19. Hdt., VII, 132. См. к этому Brunt P. A. op. cit. — Historia, Bd. II, 1953, p. 136 f; Hignett C. op. cit., p. 98. О дискуссии на эту тему см. Bengtson H. op. cit., s. 171.

20. Имеется в виду прежде всего остров Коркира, ср. Hdt., VII, 168. К этому см. Hignett C. op. cit., p. 101.

21. О переговорах с аргивянами ср. Hdt., VII, 148—152. К этому Hignett C. op. cit., p. 100—101. Дiodор сокращает текст рассказа Геродота и риторически обрабатывает его (XI, 3, 5).

22. То есть те города, которые заключили между собой союз против персов.

23. Использование этого канала проблематично. Его существование ставилось под сомнение уже в древности, так же как и в современный период, но оно подтверждается Фукидидом и все еще заметными следами (см. Munro J. CAN, IV, p. 269; Oldfather C. H. Comment, ad Diod., XI, 3, 6. В кн.: Diodorus Siculus. Works. With English translation by C. H. Oldfather, vol. IV (books X—XII). Cambr., 1946.

24. Абидос — город в Троаде на Геллеспонте напротив Сеста.

25. Город во Фракии в устье реки Гебр.

26. Князень — «темные скалы» — расположены в Пропонтиде, у входа в Черное море. Трионийский мыс и город на Кийдском полуострове в Карии. Суний — мыс на юго-восточной оконечности Аттики. Эти острова были подчинены персами после подавления Ионийского восстания и экспедиции Датиса и Артаферна.

27. См. комм. № 9. Дiodор называет то же число персидских кораблей, что и Геродот (ср. Hdt., VII, 89, 97).

28. Ср. Hdt., VII, 175; 177.

29. Ср. Hdt., VII, 204; VIII, 2.

30. Ср. Симонид (=Hdt., VII, 228); Hdt., VII, 202—3. См. к этому Hignett C. op. cit., p. 116 ff. Симонид в своей эпитафии указывает, что при Фермопилах против 300 мирняк персов сражались 40 сотен пелопоннеских мужей. У Геродота общее число всех эллинских воинов, участвующих в сражении, насчитывается около 7 тысяч человек (см. Hdt. VII, 202—203, ср. Hignett C. op. cit., p. 118; Sealey R. op. cit., p. 210). Из них тех, кто прибыл из Пелопоннеса с Леонидом, было 3100 человек. По-видимому, Симонид называет округленную цифру. Среди воинов, прибывших из Пелопоннеса, было, как отмечает Геродот (VII, 202), 300 спартанских голлитов. Дiodор же подчеркивает (XI, 4, 5),

что «...λακεδαιμονίων ἦσαν χίλιοι καὶ οὐκ αὐτοῖς Σπαρτιάται τριακόσιοι». Мандсс (ук. соч., с. 13), интерпретируя это место, полагал, что 300 спартанатов были сверх 1000 лакедемонян. Однако общий контекст позволяет думать, что Дiodор 300 спартанатов включает в общее число 1000 лакедемонян. Поводом для выделения Дiodором или его источником 300 спартанатов из общего числа лакедемонянских воинов могли послужить соответствующие места у Геродота (VII, 102, 202). В речах Исократа также фигурирует 1000 лакедемонян (см. Paneg., 90, Archid., 94).

31. В основе суждения Дiodора лежат сведения Геродота (ср. Hdt., VII, 219, 220). Дискуссию о том, почему эллинское войско при Фермопилах было немногочисленным и почему Леонид, указав о предательстве Эфиальта, не отступил вместе со всеми, но принял решение остаться с небольшим числом воинов (см. Hignett C. op. cit., p. 116 ff; Append. IV, p. 372 ff; Simpson R. Hope. Leonidas' Decision. — Phoenix, vol. 26, N 1, 1972, p. 1—11 ff; Evans J. A. S. The Final Problem at Thermopylae.

—GRBS, 5, 1964, p. 231 ff; Grant J. R. *Loebdas' Last Stand*. — Phoenix, 15, 1961, p. 14—27; Sealey R. *op. cit.*, p. 212.

Мнение большинства исследователей по этому вопросу выразил Ч. Хигнетт, заявив, что «The Final problem» of Thermopylai is best left as an unsolved riddle; agnosticism is preferable of knowledge (см. Hignett C. *op. cit.*, Append. IV, p. 378). Нам представляется, что ситуация, описанная Геродотом (VII, 219), заслуживает доверия, но в поздней традиции она приукрашена риторикой. Так, например, Диодор опускает замечание Геродота об охватившей эллиское войско панике, когда они увидели, как велико персидское войско. Он изображает позицию Леонида более патристической, чем она представлена у Геродота. Согласно Диодору, Леонид уже с самого начала решил ценой своей жизни и жизни спартанских воинов прославить Спарту (см. также Plut., *Arophi. Lac.*, 225a, 3—4; *De Mal. Herod.*, 31; *Just.*, II, 11, 9; *Elian.*, V. H., III, 25). Поэтому, отправляясь к Фермопилам, он сознательно не хотел брать больше воинов, несмотря на призывы эфоров. Итак, версия Диодора имеет ярко выраженную риторическую окраску, которую можно рассматривать как результат, с одной стороны, влияния Эфора, с другой — самостоятельной работы автора с материалами источников. В данном случае Диодор подчеркивает парадоксальность момента. Парадоксы как риторический прием он использует очень часто в своей Библиотеке, когда

ему необходимо подчеркнуть превосходство (ἐξερρότης) того или иного политического деятеля или полководца. Диодор пользуется этим приемом при характеристике Леонида, Фемистокла, Перикла, Ферамена и др.

32. Сообщение Диодора о переходе локрийцев сначала на сторону персов, а затем возвращение их к эллинам представляет собой объяснение не совсем понятного изложения Геродота, который сначала помещает их в числе эллинов, принявших сторону персов (VII, 132), затем отмечает, что эллины, собираясь защитить Фермопильский проход, пригласили также на помощь опунтских локров со всем их ополчением (VII, 203). Однако это объяснение Диодора лишено некоторого противоречия (ср. *Diod.*, XI, 4, 6 и 7).

33. Это сообщение Диодора также представляет собой рациональную попытку объяснить противоречивые замечания Геродота (ср. VII, 132 и 202). Это мнение Диодора отличается от сообщения Плутарха (*Plut.*, *De Mal. Herod.*, 31), составленного под влиянием его беотийского патриотизма. О возможных разногласиях в Фивах, имевших место уже в это время, можно предположить на основе замечаний Геродота (*Hdt.*, IX, 67, 87), что, может быть, и давало основание Диодору для такого объяснения.

34. Аканф — город на восточном побережье Халкидики.

35. Залив, омывающий побережье южной Фессалии.

36. Проблема численности персидского войска неоднократно становилась предметом дискуссии, однако является практически неразрешимой. См. к этому Munro J. *CAN*, IV, p. 271 ff., Hignett C. *op. cit.*, p. 345 ff; 350 ff; Bengtson H. *op. cit.*, s. 170. Геродот называет цифру 1 млн. 700 тыс. пехоты и 80 тыс. всадников (VII, 60, 184). По мере продвижения войска к Фермопилам оно, как говорит Геродот (VII, 186), наполнилось новыми контингентами и составило 5 млн. человек. Диодор сокращает численность сухопутного войска персов у Фермопид до миллиона. Однако и это, конечно, нереальная цифра. Ч. Хигнетт, обобщая данные дискуссии на эту тему, приходит к выводу, что персидский флот в начале вторжения насчитывал не более 600 кораблей (см. Hignett C. *op. cit.*, p. 350), а сухопутное войско, включая пехоту и кавалерию, едва ли превышало 80 тыс. чел. (см. *ibid.*, p. 355).

37. Река Сперхей расположена в Южной Фессалии.

38. У Диодора известное сообщение Геродота о посылке Ксерксом

разведчика с целью узнать численность и намерение врагов (Hdt., VII, 206) соединяется с риторической традицией, ведущей свое происхождение от Эфора (ср. Hignett. op. cit., p. 143). Ответ Леонида Ксерксу в первой своей части позаимствован у Ксенофонта. (Anab., II, I, 20, ср. также Diod., XIV, 25, 3).

39. Ср. Hdt., VII, 209. Содержание беседы у Диодора и Геродота различается. В ответе Демарата обнаруживается влияние риторической традиции IV в. до н. э. См. также Justin., II, 10, 13.

40. Ср. Hdt., VII, 210. Диодор дополняет краткое замечание Геродота рационалистическими объяснениями, позаимствованными, возможно, у Эфора. Ср. Мандес М., ук. соч., с. 17.

41. Ср. Hdt., VII, 211. Геродот говорит о двух атаках варваров. В первой атаке мидийцы действовали с кисийцами, во второй — Ксеркс послал против эллинов отборнейших из персов, так называемых бессмертных. Рассказав о поражении и этих последних, Геродот приводит объяснение успеха эллинов. Диодор, пользуясь Геродотом, включает сведения и из другого источника. Он выделяет три атаки: мидийцы, кисийцы и персы, причем объяснение поражения первых двух он дает в духе Геродота с некоторыми модификациями. Говоря о поражении бессмертных, Диодор подчеркивает, что они побежали после короткого боя. Это способствовало еще большей героизации Леонида и его воинов.

42. Это чтение Диндорфа οἱ μὲν γὰρ πρῶτον τὰς τῶν νεῶν ἀκμὰς ὑπερβίβλοντο Фогель исправляет и предлагает читать: οἱ μὲν γὰρ πρῶτον πρὸς τὰς τῶν νεῶν ἀκμὰς παραβίβλοντο. Фогель ссылается на руко-

писный текст и на употребление глагола παραβίβλω в предыдущей X книге Исторической библиотеки (X, 21, 2). Мы полагаем, что нужно сохранить чтение Диндорфа, так как в противном случае наблюдается нарушение

падежного управления глагола παραβίβλωμι (состязаться, соперничать) τινί τι. Кроме того, глагол ὑπερβίβλω очень часто употребляется Диодором.

43. Ср. Hdt., VII, 212. Диодор риторически разукрашивает это краткое замечание Геродота. Отправной точкой для его риторки могла послужить фраза Геродота: «οἱ δὲ Ἕλληνας... ἐν μέρει ἔκτιστοι ἰμάχοντο».

44. Ср. Hdt., VII, 213; 214; Ctesias, Persica, 24 (= Die Persika des Ctesias von Knidos von Fr. W. König. Graz, 1972). К этому см. Hignett C. op. cit., p. 145). Город Трахис был расположен в Южной Фессалии (см. Hignett C. op. cit., Append., I, p. 356 f.).

45. Некоторые исследователи отвергают это замечание Диодора, считая его выдумкой Эфора, желающего прославить свою родину (см. Tigerstedt E. N. op. cit., p. 217, N 973). Тем не менее оно не находится в совершенном противоречии с Геродотом (ср. Hdt., VII, 219).

46. Диодор, следуя Геродоту (ср. Hdt., VII, 219—222), украшает его рассказ с помощью риторики и вносит некоторые изменения. Два факта, упоминаемые Геродотом, — судьба прорицателя из Аккарнии Мегистия (VII, 221) и участия фиванцев в отряде Леонида, после того как он отпустил остальных воинов, Диодор опускает. Молчание Диодора о фиванцах, возможно, явилось результатом осторожности автора, поскольку Геродот их изображает с негативных позиций (Hdt., VII, 222, 223). Плутарх же, руководствуясь своим беотийским патриотизмом, берет фиванцев под защиту (Plut., De Mal. Herod. 31—33).

47. Ср. Hdt., VII, 223. Эпизод о приготовлениях Леонида к последнему сражению и о начале битвы, отсутствующий у Геродота, представляет собой риторическое дополнение Диодора. Описание самой битвы Диодором также отличается от того, что мы находим у Геродота. По Геродоту, сражение началось утром, а не ночью и не на территории персидского лагеря, а в расширяющейся части прохода. Версия Диодора, позаимствованная, по-видимому, у Эфора и затем отразившаяся у Плутарха (*De Herod. Mal.*, 32) и Юстина (II, 11), дает более героизированную картину борьбы Леонида и его воинов с персами (см. об этом литературу в комм. № 31). Диодора эта версия заинтересовала и своей парадоксальностью, о чем мы уже отмечали выше (см. комм. № 31).

И. Р. Блохина

К ВОПРОСУ О СИММАХИИ ТИМОЛЕОНТА В СИЦИЛИИ

(Тамбовский госпединститут)

В 345 г. до н. э. на помощь сиракузянам, бежавшим от жестокой тирании Дионисия Младшего, из метрополии Сиракуз Коринфа был направлен отряд во главе с коринфским полководцем Тимолеонтом. Результатом миссии Тимолеонта стало освобождение сицилийских греков от опасности карфагенского вторжения, а также ликвидация тиранических режимов и восстановление демократии в городах греческой зоны острова. Сами города были объединены в федеративный союз — симмахию. Вопрос о характере этого образования является важным и для оценки в целом реформаторской деятельности Тимолеонта и для изучения более общей проблемы возникновения политических объединений в позднеклассическом греческом обществе. Обращение к нему кажется тем более целесообразным, что западными учеными он решается не однозначно, а в отечественной историографии совсем не получил освещения¹.

Тенденция создания военных и политических союзов была характерна для всего греческого общества IV века до н. э. Причины явления крылись, конечно, прежде всего в социально-экономических особенностях развития греческих полисов в эпоху кризиса и упадка. Вместе с тем немаловажное значение имели и политические моменты. Так, стимулом к объединению все чаще становилась необходимость защиты греков от внешней опасности, что в условиях внутривосточной и социальной нестабильности оказывалось непосильной задачей для каждого отдельного города. Особенно отчетливо эта связь обнаруживается там, где эллинам приходилось постоянно отстаивать право на существование рядом с соседями — варварами. Именно так сложилось в Сицилии, где на протяжении всей своей истории греческие города вынуждены были объединяться для борьбы с карфагенянами на сравнительно небольшой замкнутой территории. Извечное присутствие грозного соседа в какой-то мере определяло и своеобразие политического развития западного эллинизма. В частности, в период начавшегося кризиса полисной организации это обстоятельство способствовало возрождению в Сицилии тирании. Более того, под эгидой сильной авторитарной власти происходила консолидация населения и создава-

лось объединение подчиненных тирану городов. Так было с Гелоном, которому опасность карфагенского завоевания, а затем победа над неприятелем при Гимере (480 г. до н. э.) помогли поставить греческие города в зависимость от Сиракуз. Падение Акраганта и надвигающаяся война с Карфагеном в 406—405 г. сделали возможным захват власти Дионисием Старшим, а победа, одержанная над пунийцами во 2-й Карфагенской войне, позволила ему беспрепятственно подчинить все города греческой зоны острова и создать Сиракузскую архе².

Как ни понятны были причины такого рода объединений, открытая узурпация власти, «адамантовые цепи», лишавшие полисы всякой политической самостоятельности, не могли не вызвать отчаянного сопротивления подчиненных городов³. Недаром философ Платон, которому далеко не безразлична была судьба сицилийских греков, резко отрицательно оценивал державную политику Дионисия Старшего, считая ее губительной для эллинской цивилизации в Сицилии (Ер. VII, 331 е, 332 с, 336а; VIII, 353 е, 357 в). Но наряду с этим у того же Платона настойчиво звучит мысль о необходимости сплочения всех эллинов Сицилии (Ер. VII, 332 е — 333а; 336 а; VIII, 357 а-в). Его программа, изложенная в письмах к сиракузским последователям Диона, предполагала создание единства греческих общин, единства, в котором главными принципами были бы свобода и независимость полисов. (Стремление создать подобное единство философ приписывал своему ученику Диону, столь неудачно выступившему в роли преобразователя Сицилии после падения тирании Дионисия Младшего). Едва ли планы Платона могли быть осуществлены в реальной обстановке, сложившейся в Сицилии. Однако через десять лет после падения Диона военные и политические успехи Тимолеонта показали, что возможно решение проблемы объединения на принципиально иной основе, нежели тирания. В самом деле, трудно переоценить результаты энергичной и плодотворной деятельности преобразователя, который не только устранил внешнюю угрозу и покончил с внутренней междоусобной войной, обескровившей Сицилию, но и пополнил, оздоровил население острова за счет колонистов, прибывших из материковой Греции⁴. На обновленной почве создание симмахии было важным итогом целенаправленной политики Тимолеонта.

Военный союз сицилийских греческих городов сложился в ходе войны с Карфагеном. К небольшой армии наемников Тимолеонта (Диодор говорит о 700 воинах — XVI, 66, 2; Плутарх называет цифру 1000. Tim, 11) примкнули многие общины, пополнив ее своими отрядами. Такими городами были Тавромений (правитель его — Андромах стал первым

союзником Тимолеонта и в свою очередь пользовался покровительством полководца), Регий, Адран, Тиндариды, Катана и другие (Diod., XVI, 66, 6; 68, 8; 69, 3—4; 73, 2; 10, 12, 13). Решающая битва у р. Крмис была выиграна греками с помощью союзных войск (Diod. XVI, 78, 2; 80, 6; Ср.: 25)⁶. После первых успехов к Тимолеонту присоединились даже некоторые эллинизированные города карфагенской области (Diod. XVI, 73, 2)⁶. Борьба с тиранами — Мамерком, Гикетом и другими также велась объединенными силами греческих городов, которые сразу после освобождения принимались в союз (ibid, 82, 4).

Со стабилизацией положения на острове союз не распался, а принял характер политического объединения. При наличии богатой в целом традиции о Тимолеонте сюжеты, связанные с его политическим строительством, а также с устройством симмахии, освещены весьма скудно. Интерес наших авторов — Плутарха, Диодора, Корнелия Непота, Полиена — сосредоточен в основном на личных достоинствах и военных подвигах освободителя Сицилии. Имеющиеся же данные неясны, отрывочны и страдают нечеткой терминологией. К тому же образ Тимолеонта явно идеализирован, что затрудняет работу с источниками.

Возможно, поэтому и в историографии по вопросам о том, с какой целью была создана симмахия, какое место занимали в ней Сиракузы, какой характер приняли межполисные отношения в Сицилии при Тимолеонте, не достигнуто единство. Существуют две точки зрения. Одна из них, основанная на доверии к античной традиции, содержит позитивную оценку общесицилийской деятельности реформатора. Так, историки прошлого — начала нашего века Г. Штир, Е. Фримен, Р. Хэкфорт, Ю. Белох отмечают (не приводя аргументации), что характер объединения, созданного Тимолеонтом, был принципиально иным, чем при Дионисии Старшем, что симмахия явилась федерацией свободных городов, полностью сохранивших свою автономию⁷. Исследователи нашего времени Г. Берве, Р. Толберт, Г. Вестлейк также положительно характеризуют эту сторону деятельности коринфянина⁸. Иной подход к решению проблемы сложился на основе наблюдения, сделанного Отто Мельтцером — автором «Истории Карфагена», при исследовании мирного договора, заключенного Тимолеонтом с Карфагеном в 339 г. В тексте договора, содержание которого передает Диодор (XVI, 82, 3), особо оговаривается свобода греческих городов. Мельтцер предположил, что включение данного условия имело целью предотвратить или ограничить уже существовавшую гегемонию Сиракуз по отношению к другим городам греческой территории острова⁹. Эта мысль была развита итальянской

исследовательницей Мартой Сорди в ее монографии о Тимолеонте¹⁰. Сорди заключила, что гегемония Сиракуз несомненно существовала при Тимолеонте и что после заключения мира с Карфагеном коринфянин преобразовал симмахию в Сиракузскую державу по примеру Дионисия Старшего. Помимо текста договора, она в своих выводах основывается на том, что в состав Сиракузского полиса были включены граждане Агирня, Кенторип и Леонтин (Diod, XVI, 82, 4). По мнению Сорди, из этого следует, что и все прочие сицилийцы получили права сиракузского гражданства. Свидетельство Плутарха о рекомендациях относительно конституционного устройства, которые давал Тимолеонт сицилийским городам (Tim., 35), убеждает Сорди в том, что Сиракузы вмешивались в дела сицилийцев и диктовали им свои условия. Эта крайняя концепция при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается несостоятельной.

Во-первых, совершенно очевидно, что в договор Карфагена с Тимолеонтом пункт о свободе греческих городов включен не для того, чтобы защищать их права и интересы. Карфаген не хотел и боялся усиления главного противника — Сиракуз (равно, как и объединения сил эллинской части острова) и стремился это предотвратить. Тем же соображением, видимо, было продиктовано требование карфагенской стороной независимости для ряда греческих полисов, предъявленное Дионисию Старшему в 405 г. (Diod, XIII, 114). Показательно, что Тимолеонт принял поставленное условие: оно, как видно, не противоречило сущности его политики. Во-вторых, тот факт, что жители Агирня и Кенторип получили права Сиракузского гражданства, а леонтинцы были переселены в Сиракузы (Diod, XVI, 82, 4), действительно свидетельствует о вполне понятном стремлении Тимолеонта усилить центр греческой Сицилии, служивший ему опорой в войне с Карфагеном и тиранами, а также основой для преобразований. Однако это не доказывает, что все жители сицилийских городов получили такие права, как полагает Сорди. Напротив, создается впечатление, что упомянуты города, ставшие исключением. В противовес этому находим указания на независимость Акраганта и Гелы (Plut., Tim., 35). И даже Агирий — город, воссоединенный с Сиракузами, на деле сохранял относительную самостоятельность: он продолжал выпускать собственную монету, заново был застроен и достиг расцвета (Diod., XVI, 83, 3). В-третьих, замечание Плутарха о том, что Тимолеонт давал сицилийцам советы по вопросам конституционного устройства, может быть, на наш взгляд, истолковано как оказание необходимой помощи полисам, долгое время под властью тирана лишенным всякой политической инициативы и утратившим способ-

ность к государственному творчеству. Ведь и сами Сиракузы, как оказалось, нуждались в законодателях извне (при Дионе в роли законодателей выступили специально приглашенные из Греции советники, Тимолеонту помогли коринфяне Кефал и Дионисий: Plut. Dion., 53; Tim., 24; Diod., XIII, 35, 3; XVI, 82, 7). Не удивительно, что конституции в малых сицилийских городах создавались при участии Тимолеонта и, возможно, по образцу сиракузской. Например, в Солунте, Акрах, Кенторипах найдены следы жреческих должностей, близких к должности амфиопола в Сиракузах, учрежденной Тимолеонтом¹¹.

Картину экономического возрождения сицилийских городов, оживления их торговли и интенсивного строительства помогают воссоздать результаты археологических раскопок¹².

Наконец, невозможно игнорировать оценку союзнической политики Тимолеонта и оценку роли его в общесицилийских делах, данную самими древними. Традиция, в основе которой лежат сочинения современных Тимолеонту историков и прежде всего сицилийца Тимея, прославляет освободителя Сицилии, приписывая ему одному заслуги всех позитивных изменений в жизни сицилийцев и называя его вторым основателем греческих городов (Diod., XVI, 72, 5, 32, 4; Corn. Nep. Tim., 3, 2; Plut., Tim., 24, 35). Диодор прямо говорит, что Тимолеонт прибыл в Сицилию, чтобы дать свободу эллиянам (XVI, 90, 1). Неоднократно упоминания о благодарности, уважении и всеобщей любви сицилийцев к коринфянину встречаем у Непота и Плутарха (Corn. Nep. Tim., 1, 1; Plut. Tim., 35, 39), так же как и указания на автономию отдельных городов (например, Гелы и Акраганта — Plut. Ibid.) В постановлении народного собрания Сиракуз, принятом после смерти Тимолеонта, перечисляются заслуги его как преобразователя всей Сицилии (Diod., XVI, 90, 1; Plut. Tim. 39). Интересно, что погребение было задержано на несколько дней, чтобы жители окрестностей и иноземцы успели прибыть

в Сиракузы (ibid). И хотя сам термин «συνταχίς» лишь дважды приводится Диодором (XVI, 73, 2; 82, 4), из рассказа наших авторов совершенно ясно следует, что Тимолеонтом было создано тесное единство городов, где каждому городу было оставлено право жить по своим законам (Diod., XVI, 73, 2). Разумеется, следует учитывать тенденциозность и необъективность сложившейся традиции. Но как бы ни был идеализирован образ освободителя, едва ли столь единодушны могли быть дифирамбы в его адрес, если бы отношения между правителем Сиракуз и остальными городами складывались на основе диктата и насилия.

Таким образом, преобразования Тимолеонта привели не

только к восстановлению внутривосточной демократии, обновлению социального состава общества и стабилизации экономической жизни греческих городов, но и сделали возможным создание политического союза полисов с похожим, как можно предположить, государственным устройством, но сохранявшим автономию и самостоятельность. Это объединение служило грекам Сицилии надежной защитой от внешней опасности, а также гарантировало внутренний мир, что было одним из наиболее важных условий в борьбе за сохранение жизнеспособности греческого полисного строя в IV в. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Специальных исследований, посвященных симмахии Тимолеонта, практически нет. Мы располагаем лишь более или менее краткими разделами в работах западных историков о Тимолеонте.
2. О державе Дионисия Старшего см.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с. 67—85, 136—155.
3. См.: Фролов Э. Д. Ук. соч., с. 78—80.
4. Проведение колонизации и других реформ Тимолеонтом подробно анализируется в книге Р. Толберта и статье Г. Вестлейка: Talbert R. Timoleon and Revival of Greek Sicily 344—317 B. C. N. Y., 1974, p. 116—143; Westlake H. D. Timoleon and the Reconstruction of Syracuse.—CHJ, v. VII, 1942—43, N. 2, p. 79—100.
5. О том же свидетельствует коринфская надпись на плите, служившей, как полагают, постаментом для статуи Посейдона. Статуя была сооружена в честь победы Тимолеонта над Карфагеном. — См.: SEG, v. I, fasc. 2, 1954, p. 217, n. 1. 26a.
6. Возможно, такими городами были Элима и Эрикс, бронзовые монеты которых с изображением Зевса-Освободителя датируются этим периодом и демонстрируют символику Тимолеонта. См.: Evans A. Numismatic Lights on the Sicily of Timoleon. In Freeman E. History of Sicily, v. IV, Suppl. Oxford, 1894, p. 351—353.
7. Stier H. Timoleon. RE, 2. Reihe, Bd VI, HBBd. 11, 1936, Sp. 1289; Freeman E. History of Sicily, v. IV. Oxford, 1894, p. 351—352; Hackforth R. Sicily 367—330 B. C. CAN, v. VI, 1927, p. 294; Beloch K. Griechische Geschichte, 2. Aufl., Bd. III, Abt. 1, s. 590.
8. Berve H. Rec. in: Sordi M. Timoleonte. Palermo, 1961. Gnomon, Bd. XXXV, 1963, s. 382—383; Talbert R. Op. cit., p. 143—145; Westlake H. Op. cit., p. 93—94.
9. Meitzer O. Geschichte der Karthager, Bd. I, Berlin, 1879, s. 336—337.
10. Sordi M. Timoleonte. Palermo, 1961, p. 69—72.
11. Об амфиполии в Сиракузах и других городах см.: Huttli W. Verfassungsgeschichte von Syracus. Prag, 1929, s. 123; Talbert R. Op. cit., p. 145.
12. Мы полагаемся на обзор данных археологии в книге Р. Толберта (Op. cit., p. 146—160), см. также: Сидорова Н. А. Археологические открытия в Средиземноморье в 1958—1959 гг. — СА, 1962, № 1, с. 341—343; Мариневич Л. П. Новые археологические работы в Сицилии и Сардинии. — ВДИ, 1967, № 4, с. 186—196; Ильинская Л. С. Проблемы греческой колонизации Сицилии в свете исследований последних 25 лет. — ВДИ, 1976, № 2, с. 165—180.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РИМА В ПРОВИНЦИИ СИЦИЛИИ В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ

(Горьковский госуниверситет)

Налоговая система Римской республики в провинциях известна нам далеко не в полной мере. Тем более ценными являются данные о римской налоговой политике в Сицилии, содержащиеся в речах Цицерона против наместника Сицилии Гая Верреса («Верринах»). Вся третья часть обвинительной речи во второй сессии процесса Верреса посвящена описанию злоупотреблений наместника при сборе основного римского налога в Сицилии — десятины урожая.

Сам Цицерон дает оценку налоговой политики Рима в Сицилии в самых похвальных тонах, противопоставляя либеральное, по его мнению, отношение к сицилийцам правительства жесткости и корыстолюбию Верреса. «Между Сицилией и прочими провинциями, — говорит оратор, — в отношении поземельных податей существует следующее различие: другим либо установлена твердая сумма налога, которая называется стипендием, как Испании и большинству бывших карфагенских подданных, в качестве как бы награды за победу и наказания за враждебные действия в войне, либо налоги сдаются на откуп цензорами, как в Азии по закону Семпрония» (Cic. Verr., II, III, 6, 12). «Обратите теперь внимание на мудрость наших предков, которые, присоединяя к государству столь выгодное и в военное и в мирное время подспорье, пожелали проявить по отношению к сицилийцам такую заботу, что не только не обложили их поля новой податью, но и не изменили ни закона об откупе десятины, ни места, ни времени сдачи десятины на откуп с тем, чтобы откуп их происходил в определенное время года, на месте, в Сицилии, наконец, по Герионову закону. Они пожелали, чтобы сицилийцы сами устраивали свои дела, чтобы они не были смущены не только новым законом, но и новым именем закона» (Cic. Verr., II, III, 6, 14).

Цицерон, таким образом, видит привилегированное положение Сицилии среди провинций Рима в трех основных преимуществах: во-первых, в том, что на Сицилию не был наложен стипендий—своего рода бессрочная контрибуция, а сохранен лишь ранее существовавший закон — десятина; во-вторых, в том, что десятину взимали не публиканы, отку-

павшие ее у цензоров, а сами же сицилийцы, откупая ее на месте; в-третьих, в том, что сохранен был податной устав «Lex Hieronica», регулировавший откуп и сбор десятины еще до римлян. И многие современные исследователи, разбирая вопрос о римской налоговой политике в Сицилии, вслед за Цицероном подчеркивают ее либеральность, далеко не всегда, впрочем, указывая причины ее.

Г. Де Санктис, Ж. Каркопино и другие исследователи считают налоговое бремя сицилийцев отнюдь не тяжелым, системе взимания десятины по «Гieroнову закону» справедливой и ограждающей налогоплательщиков от излишних поборов¹. А. Тойнби даже указывает, что политика Рима в отношении сицилийского земледельческого населения была гуманнее, чем в отношении италийского крестьянства². Ж. Каркопино усматривает в этом «доказательства искренней дружбы»³. Большинство этих историков, однако, делает оговорку в том смысле, что независимо от политики центрального правительства многие римские наместники, подобно Верресу, допускали значительные злоупотребления при сборе десятины, стремясь к личному обогащению.

Тот факт, что римляне оставили в Сицилии старую налоговую систему, Тойнби объясняет дальновидным расчетом римлян, стремившихся обеспечить регулярное поступление хлеба в Италию, не истощая сицилийских земледельцев⁴. Арнольд, Стивенсон и Бэдиан, напротив, усматривают здесь простую «инерцию»: римское правительство избегало хлопот и затрат, связанных с нововведениями⁵. Бэдиан в подобном поведении римлян видит свидетельство того, что в III и II вв. до н. э. Рим не искал экономических выгод в провинциях, и на этом основании утверждает, что неверно марксистское представление о римском «империализме» как о стремлении к завоеваниям ради увеличения доходов, рынков сбыта и т. д.⁶

Некоторые исследователи, однако, несколько иначе оценивают римскую налоговую политику в Сицилии, особенно в конце Республики. А. Феррабино предполагает, что «Гieroнов закон» предоставлял откупщикам десятины большой простор для незаконных поборов; к тому же, по мнению Феррабино, злоупотребления откупщиков и наместников объяснялись не в последнюю очередь политикой сената, который требовал как можно больше сицилийского хлеба, что приводило на практике к удвоению собираемых сумм налога⁷. С. Мадзарини утверждает, что в годы наместничества Верреса достигло критической точки противоречие между традициями сельского хозяйства Сицилии и требованиями Рима. Вывод этот обосновывается автором на примере так называемого закупаемого хлеба — оплачиваемых поставок части урожая из Сицилии в Рим⁸. Точка зрения Мадзарини, кажется, ос-

новательно укоренилась в современной итальянской историографии⁹.

Таким образом, римская налоговая политика в Сицилии не всегда однозначно оценивается в научной литературе. Поэтому нелишним будет подробное рассмотрение римских налогов в провинции Сицилии, их происхождения, порядка взимания и тех целей, которые преследовала податная политика Рима в провинции.

Главный римский налог в Сицилии — десятина (Cic. Verr.) пшеницы прежде всего, но также и ячменя (Cic. Verr., II, III, 31, 73; 34, 78) и «малых плодов» (*fruges minutae*-*ibid.* 7, 18), т. е. основных сельскохозяйственных продуктов острова. Десятина как тип налога, действительно, была более выгодна для налогоплательщиков, чем фиксированная сумма *stipendium*, тем более в стране, где урожай из года в год значительно менялись в зависимости от погодных условий. Поэтому, например, в речи Антония перед эллинами Малой Азии, составленной Аппианом, введение десятины, а не стипендия в провинции Азии представляется как благодеяние римлян (App. b. c. V, 4). Цицерон утверждает, что десятина существовала и в доримской Сицилии: римляне «не ввели никакого нового налога» (Cic. Verr. II, III, 6, 14); «вся территория сицилийских общин (помимо привилегированных — С. С.) обложена десятиной, как и до власти римского народа она была обложена десятиной по воле и установлениям самих сицилийцев» (*ibid.*: 6, 13).

Последнее выражение — «*itemque ante imperium populi Romani ipsorum Siculorum voluntate et institutis fuit*» — нередко принимается современными историками за свидетельство о том, что десятина урожая взималась уже в карфагенских владениях в Сицилии, и римляне, таким образом, просто продолжали на острове налоговую политику Карфагена. В качестве доказательств этого положения выдвигаются также существование десятины в римской (бывшей карфагенской) Сицилии (Liv. XXXVI, 2, 13; XXXVII, 50, 10; XI, 11, 31, 8) и взимание Карфагеном натуральных налогов в Африке (Polyb., 1, 72, 2)¹⁰. Всех этих данных, однако, недостаточно, чтобы с уверенностью принять точку зрения о карфагенском происхождении десятины. Десятина, хотя она и взималась в провинции Сардинии, не существовала в других римских провинциях, ранее бывших карфагенскими владениями. В Африке карфагеняне взимали в годы I Пунической войны повышенный в 2 раза налог с городов и половину урожая «со всех прочих» в экстраординарном порядке (Polyb., 1, 72, 2). Надо полагать, что обычная сельскохозяйственная подать в Африке составляла 25% урожая, что отмечают Р. Мельтцер и Ф. Уолбэнк¹¹. Города же платили фиксирован-

ную сумму налога. В Африке, таким образом, налога в форме десятины не было. Что же касается сицилийских городов, то с них, скорее всего, взималась, как и с африканских, определенная денежная сумма ежегодно (φόρος — Diod. XIII, 59, 2; φόρος ὑπὸ νόμῳ — Diod. XIV, 65, 2).

Наконец, фраза Цицерона о введении десятины «по воле и установлениям самих сицилийцев» (Cic. Verr., II, III, 6, 13) заставляет искать родину сицилийской десятины в восточной части острова, независимой от Карфагена, т. е. прежде всего в Сиракузах. Многие историки предполагают, что десятина была введена одним из знаменитых сиракузских тиранов—либо Гелоном Дейномоенидом, либо Дионисием Старшим, либо Гиероном II¹². Однако единственное свидетельство, имеющееся в нашем распоряжении, говорит о введении десятины в Сиракузах скорее в период демократического правления: аттидограф Демон (конец IV—начало III в. до н. э.) сообщает, что «разбогатевшие сиракузяне постановили, что-

бы платилась десятина имущества (ψυψίασθαί τῆν δεκάτην τῶν ὑπαρχόντων ἀποδίδοσθαί) на ремонт храмов, на священные дары и на жертвенных животных; и поскольку были собраны огромные средства, сиракузская десятина вошла в пословицу» (F. H. G., I, p. 381, 14). Об этой пословице знает и Страбон (Strabo, VI, 2, 4). Здесь подразумевается не разовый взнос, как считают А. Хольм и В. Шван¹³, а постоянный налог, на

что указывают и несовершенный вид глагола ἀποδίδοσθαί и широкая известность сиракузской десятины в греческом мире. Даже если этот налог, введение которого скорее всего относится к периоду демократического правления в Сиракузах (V в. до н. э.), вначале взимался деньгами, все же был создан прецедент, благодаря которому десятина стала традиционной формой налога в Сицилии. Эта традиция была воспринята и римскими завоевателями.

Любопытной особенностью римской налоговой политики в Сицилии является следующее обстоятельство: римляне не только сохранили в провинции местную форму сельскохозяйственного налога, но и оставили в силе греческий податный устав, регулировавший порядок взимания и откупа десятины. Цицерон называет его «lex Hieronica» («Гиеронов закон»). Автором этого податного устава является царь Сиракуз Гиерон II (269—215 гг. до н. э.). «Гиеровов закон» действовал первоначально лишь на территории Сиракузского царства, и уже римляне распространили его нормы на всю

Сицилию. Текст этого податного устава до нас не дошел, но примерное содержание его можно установить путем внимательного анализа «Веррин»¹⁴. К числу основных установлений «Гиеронова закона» следует отнести следующие:

1. Десятина сдается на откуп не целиком, а мелкими частями. К откупу имеют доступ лица почти любого общественного положения, обладающие не обязательно крупным состоянием.

2. Каждый год после сева проводится кадастр засеянных земель и приблизительно подсчитывается стоимость ожидаемой десятины урожая. Поэтому откупные суммы на торгах максимально приближаются к реальной стоимости десятины, и прибыль откупщика, таким образом, существенно ограничивается.

3. Откупщик обязан заключить с каждым земледельцем-налогоплательщиком письменное соглашение о размере причитающегося ему налога, при посредничестве и под контролем местных муниципальных магистратов. Непосредственное взимание налога находится уже вне сферы компетенции откупщика, оно производится должностными лицами гражданской общины (*civitas*).

Таким образом, откуп десятины в Сицилии имеет существенные отличия от откупной практики в других провинциях Римской республики. Прежде всего это касается самой фигуры откупщика; откупом занимаются лица самых различных категорий населения, размах их действий крайне ограничен, с одной стороны, узкими территориальными рамками, с другой стороны, непрерывным контролем со стороны местных властей, прибыль их сведена к сравнительно небольшим суммам, возможности для незаконных поборов незначительны. Все это никоим образом нельзя сравнить с характером откупа налогов в тех римских провинциях, где хозяйничали практически бесконтрольно могущественные компании публиканов. Даже во время прений в римском сенате говорилось, что «там, где появляется публикан, сводятся на нет и государственное право, и свобода союзников» (*Liv. XLV, 18, 4*). Алчность публиканов приводила не только к раворению провинций, но и к сокращению доходов Рима. Поэтому сенат неоднократно, начиная еще со 184 г. до н. э., пытался ограничить их произвол путем снижения откупных сумм и другими способами¹⁵. Дело дошло до того, что сенат в 167 г. до н. э. наложил запрет на эксплуатацию богатейших македонских рудников, лишь бы не давать их в руки публиканов (*Liv. XLV, 18, 4*).

С нашей точки зрения, продолжение взимания сицилийской десятины посредством местных откупщиков по «Гиеронову закону» вплоть до времен Цицерона являлось составной

частью все той же политики сената, направленной на отстранение, хотя бы частичное, публиканов от откупа государственных доходов. Всякое иное объяснение того, что они не участвовали в откупе сицилийских десятин, представляется неудовлетворительным. Простым сохранением традиций как бы «по инерции» этого не объяснить: ведь римляне не только оставили в силе «Гиеронов закон» на территории бывшего царства Гиерона, но и распространили его действие на весь остров. Предположение Ростовцева, поддержанное некоторыми исследователями¹⁶, о том, что компании публиканов в конце III в. до н. э. были недостаточно богатыми, чтобы осилить откуп сицилийской десятины, не подтверждается фактами. Уже в 215 г. публиканы располагали такими капиталами, что могли взять подряд на поставку снаряжения и всего необходимого для двух легионов (Liv., XXIII, 48, 10—11; 49, 1—4), что потребовало от них затрат примерно в миллион денариев¹⁷, в то время как стоимость сицилийской десятины при Верресе составляла $2\frac{1}{4}$ млн. денариев (Cic. Verr. II, III, 70, 163) и была, несомненно, ниже в начале римского господства на острове. В начале II в. до н. э. публиканы откупают испанские рудники с доходом уже 9 млн. денариев в год (Strabo, III, 2, 10). Во времена завоевания Сицилии публиканы были уже влиятельной силой в Риме, с которой должно было считаться правительство¹⁸. Трудно предполагать, что они, располагая такими возможностями, не делали попыток превратить в свою вотчину провинцию Сицилию с ее десятиной. Речь идет, таким образом, не о простом «консерватизме» сената, сохранившего в Сицилии местный порядок откупа, но о целенаправленной политике.

С юридической точки зрения, публиканы были устранены от откупа десятины не тем, что он происходит по «Гиеронову закону», а тем, что откупные торги происходили в Сиракузах, а не в Риме, на что правильно указал Каркопино¹⁹. Об этом говорят и свидетельства Цицерона о том, что «подати нельзя сдавать на откуп иначе, как в этом городе, на этом месте, при таком же многолюдстве, как сейчас» (Cic. de leg. agr., I, 3, 7; II, 21, 55), и события 75 г. до н. э., когда откуп второстепенных десятин был переведен в Рим и публиканы тут же появились на торгах (Cic. Verr., II, III, 7, 18).

Обстоятельства, сопутствующие этой реформе, дают интересный материал для выводов. В 75 г. сенат поручил консулам (исполнявшим в то время функции цензоров) сдать на откуп десятины вина, масла и «малых плодов», составив контракт по своему усмотрению. Публиканы во время торгов потребовали, чтобы контракт был заключен на тех же условиях, что и остальные «leges censoriae». Однако по просьбе

влиятельного сицилийца Сфения из Ферм консулы собрали особую комиссию из видных и знатных граждан и по ее решению объявили, что сдадут десятины на откуп согласно «Гиеронову закону» (Cic. Verrg, II, III, 7, 18), хотя в ином случае доходы могли увеличиться (ibid., 8, 19). Из этих сведений нашего источника вытекает несколько важных выводов: во-первых, обстоятельства реформы 75 г. доказывают еще раз, что предписания «Гиеронова закона» значительно ограничивали рост откупных сумм и произвол откупщиков; во-вторых, решение правительственной комиссии свидетельствует о том, что римское государство, несмотря на требования публиканов и предоставившуюся было возможность первоначального увеличения доходов, все же было заинтересовано в сохранении их даже при сборе второстепенных десятин; в-третьих, просьба Сфения показывает, что и сицилийцы видели некоторую защиту в нормах «Гиеронова закона»²⁰. Наконец, характерно, что сенат все же не допустил публиканов к откупу главных — хлебных десятин.

Эти данные противоречат той точке зрения, которую высказывают Ж. Каркопино и А. Феррабино. По их словам, уже задолго до Верреса римские наместники были вынуждены под давлением со стороны сената повышать цены на откупных торгах до предела, не обращая внимания на требования «Гиеронова закона», и откупщики, таким образом, взыскивали с земледельцев не десятую часть урожая, а гораздо больше²¹. В этом случае от «Гиеронова закона» осталось бы одно название; события 75 г. показывают, однако, что так не случилось. Заслугой наместника перед Римом, действительно, считалось, если он заставлял откупщиков брать на себя большие обязательства на торгах, это называлось «дорого подать десятины» (Cic. Verrg., II, III, 16, 40; 20, 51; 28, 70; 39, 90; 49, 117; 50, 119; 53, 124; 63, 147). Это, однако, ничуть не противоречило соблюдению «Гиеронова закона», Цицерон доказывает, что многие предшественники Верреса сдавали десятины на откуп за цену не меньшую, чем он, но при этом выполняли требования «lex Hieronica» (Cic. Verrg., II, III, 49, 117); в «Верринах» цитируется письмо наместника Сицилии 70 г. Метелла консулам, где этот преемник Верреса ставит себе в заслугу и соблюдение «Гиеронова закона» и «дорогую продажу десятин» (Cic. Verrg., II, III, 53, 123—124). Цицерон утверждает также, что в обычных условиях земледельцам вообще было безразлично, за какую сумму сдавались на откуп десятины (Cic. Verrg., II, III, 63, 147), если же откупщик предлагал сумму, превышавшую предполагаемый размер десятины, за это мог поплатиться только он сам, понеся убытки (ibid., 46, 110).

Политика римского правительства, таким образом, была

направлена на сохранение норм «lex Neopolitana», хотя это и препятствовало все большему и большему увеличению притока хлеба из Сицилии, и на ограничение произвола откупщиков и снижение их доходов. Единственная возможность для незаконных поборов, оставленная откупщикам, состояла в тайном или явном сговоре с римским наместником; под эгидой его неограниченной власти они могли беззастенчиво грабить земледельцев, делясь добычей с пропретором. Именно так и случалось сплошь и рядом в годы наместничества Верреса, так же могло происходить и раньше, хотя и в значительно меньших масштабах. Политика Рима в Сицилии поэтому частично перечеркивалась главным недостатком римской системы управления провинциями — отсутствием действительного контроля за наместником.

Помимо десятины, римляне вывозили из Сицилии также так называемый закупаемый хлеб («frumentum emptum»). В годы наместничества Верреса этот хлеб у сицилийских общин закупался по закону Теренция-Кассия (73 г. до н. э.) и состоял из второй десятины и «frumentum imperatum». Последняя разновидность «закупаемого хлеба» представляла собой твердо установленное количество зерна (800 тысяч модиев в год); вторая же десятина по размеру была равна первой. Закон Теренция-Кассия устанавливал цены на «закупаемый хлеб»: 3 сестерция за модий второй десятины, 3,5 сестерция за модий «frumentum imperatum»²² (Cic. Verr., II, III, 70, 163). Не известно, существовали ли поставки «frumentum imperatum» задолго до 73 г.; однако закупки хлеба в размере второй десятины засвидетельствованы еще для начала II в. до н. э. Особыми постановлениями сената вторая десятина хлеба в Сицилии закупалась в годы Сирийской и III Македонской войны — в 191, 190, 189 и 171 гг. (Liv., XXXVI, 2, 12; XXXVII, 2, 12; 50, 9; XLII, 31, 8). В то время этот хлеб отправляли в действующую армию. Надо полагать, что с конца II в., когда в Риме начались раздачи хлеба плебсам, закупки второй десятины в Сицилии стали традиционными. По крайней мере, в 76, 75 и 74 гг. до н. э., до издания закона Теренция-Кассия, римляне также закупали хлеб на острове (Cic. Verr., II, III, 78, 182; II, V, 21, 55).

Поскольку казна оплачивала этот хлеб, римляне не считали «frumentum emptum» налогом: зерно закупалось и у общин, имевших иммунитет (Cic. Verr., II, III, 73, 170—171; 74, 172—173; 77, 180; II, V, 21, 52—55). Тем не менее нельзя считать поставки «закупаемого хлеба» просто «торговой сделкой», как выразился В. Скрамуцца²³. Эти поставки были принудительными, что показывает сама терминология Цицерона: в отношении «закупаемого хлеба» употребляются выразительные глаголы — «exigere» (Cic. Verr., II, III, 16, 42).

«*impereare*» (ibid., 81, 188), «*sumere*» (ibid., 21, 52). Таким образом, «*frumentum emptum*» является не чем иным, как скрытой формой налога. Тяжесть этой обязанности зависела от соотношения реальных цен на хлеб в Сицилии и той цены, которую предлагала казна. В годы наместничества Верреса цены на хлеб в Сицилии были сравнительно низкими — от 2 до 3 сестерциев за модий (*Cic. Verr.*, II, III, 81, 189)²⁴, так что сицилийцы могли бы даже получить прибыль от продажи хлеба Риму, если бы Веррес не присвоил себе большую часть суммы, выделенной эрарием. В менее урожайные годы соотношение цен могло быть обратным, и тогда земледельцы на этих поставках терпели убытки, не очень, впрочем, большие. Закупочные цены — 3 и 3,5 сестерция за модий — следует признать более или менее соответствующим рыночным.

О механизме взимания *frumentum emptum* почти ничего не известно. Вторая десятина, возможно, поставлялась так же, как и первая. Что же касается *frumentum impereatum*, то этот вид «закупаемого хлеба» отправляли в Рим сами общины, каждой из которых наместник определял ее долю в поставках «*frumentum impereatum*» (*Cic. Verr.*, II, V, 21, 52—55; 22, 56). Доли эти распределялись по возможности равномерно («*aequaliter*» «*aequaliter*» — *Cic. Verr.*, II, III, 70, 163; II, V, 21, 52), но у «свободных» и союзных общин были большими, чем у других: одна Мессана поставляла обычно 60 тысяч модиев (*Cic. Verr.*, II, V, 21, 53). Оплата «закупаемого хлеба» производилась римскими квесторами на местах (*Cic. Verr.*, II, III, 78, 182; 79, 183), причем в наместничество Верреса из выплачиваемых земледельцам сумм производились вычеты, которые Цицерон считает незаконными: 4% в пользу писцов, деньги за контроль и размен монеты и какие-то «восковые»²⁵ (*Cic. Verr.*, II, III, 78, 181—80, 194). Судить о том, что здесь было изобретено Верресом с целью наживы, а что уже давно сложилось в обычай, мы не в состоянии.

Поскольку «закупаемый хлеб» оплачивался казной, римляне считали себя вправе контролировать его качество. Технически это называлось *probatio*. Наместник подвергал осмотру зерно, поставленное целой *civitas*, и мог его качество одобрить (*probare*) или не одобрить (*improbare*). В последнем случае зерно возвращалось обратно, и общины были обязаны доплатить необходимые суммы, чтобы наместник мог закупить недостающее количество зерна в другом месте по рыночной цене. Веррес и здесь нашел себе источник для наживы, хотя рыночная цена на хлеб в его пропретуру была ниже закупочной (*Cic. Verr.*, II, III, 73, 171—75, 175).

Именно в том обстоятельстве, что Веррес забраковал зерно многих общин, и видит С. Мадзарино доказательство того, что требования Рима не соответствовали традициям сель-

ского хозяйства Сицилии. По его мнению, ячмень был не менее важной культурой в сицилийском земледелии, чем пшеница, поскольку сицилийские греки в отличие от римлян употребляли ячмень в пищу (Athen., XI, 483 a). В подтверждение своего предположения Мадзарини приводит ряд интересных наблюдений, касающихся использования ячменя в питании греков, а также ссылается на цитату из переписки двух приспешников Верреса: акценз Верреса Тимархид советует откупщику Апронию привлечь на свою сторону нового наместника Сицилии Метелла и настроить его против земледельцев — «*Fac sciat improbitatem agratorum*» (Cic. Verr., II, III, 67, 157). Мадзарини считает «*improbitas*» техническим термином, связанным с «*grubatio*», и понимает это выражение так: «Пусть Метелл узнает о том, что земледельцы поставляют некачественный хлеб». Отсюда делается вывод: римляне требовали от сицилийцев только пшеницу, хотя те не могли уже дать ничего больше, кроме ячменя, которого в Сицилии выращивалось не меньше, чем пшеницы²⁶.

«Закупаемый хлеб», действительно, состоял исключительно из пшеницы, о чем свидетельствует одна-единственная цена за модий второй десятины или «*frumentum imperatum*»²⁷. Однако не совсем понятно, как могло проявляться несоответствие требований Рима традициям сельского хозяйства Сицилии в случае со второй десятиной: вторая десятина пшеницы была равна первой (Cic. Verr., II, III, 70, 163) вне зависимости от пропорции ячменя и пшеницы в урожае хлеба, а ведь вторая десятина составляла основную часть «закупаемого хлеба»²⁸.

Кроме того, вообще невозможно доказать, что ячмень в Сицилии времен Цицерона составлял значительную часть всего урожая зерна. Исследователи считают, что пропорция урожая ячменя к урожаю пшеницы в Сицилии составляла либо 1:1²⁹, либо 1:2³⁰, либо 1:3³¹, однако все эти подсчеты базируются лишь на двух пассажах «Веррин», где можно выявить соотношение между суммами, доплачиваемыми откупщику общиной за десятину пшеницы и за десятину ячменя при их перекупке. Этого слишком мало для столь обширных выводов, тем более, что один из этих пассажей демонстрирует незначительность доли ячменя в продукции сельского хозяйства одной из областей Сицилии — Агирийской: «*lucrum*» за перекупку десятины ячменя в 20 раз меньше, чем «*lucrum*» за перекупку десятины пшеницы (Cic. Verr., II, III, 31, 72—73). Даже с учетом того, что ячмень стоил в 2 раза дешевле пшеницы, эта пропорция достаточно показательна. В другом случае «*lucrum*» за перекупку ячменя Гербиты в 71 г. больше, чем «*lucrum*» за перекупку пшеницы в том же году (Cic. Verr., II, III, 34, 78—79). Именно на это

свидетельство главным образом и опирается Мадзарينو. Однако соотношение это случайное, оно вызвано тем, что откупщик десятины пшеницы предложил слишком большую цену на торгах и поэтому, даже пользуясь поддержкой Верреса, перепродал десятину самой общине довольно дешево. О том, что соотношение между продукцией пшеницы и ячменя в Гербите должно было быть иным, свидетельствует следующая таблица (Cic. Verrg., II, III, 32, 34, 75—79):

Год	За пшеницу	За ячмень
73	116,4 тыс. сестерциев	—
72	63,0	—
71	10,8	12

Таким образом, у нас нет достаточных данных, чтобы утверждать, что римские требования превышали традиционные возможности сицилийского земледелия. Да это и не было никоим образом в интересах римского правительства. Ведь в условиях, когда уже давно выращивание зерновых культур в Италии перестало быть выгодным занятием, сицилийское зерно, в огромных количествах легко доставляемое по морю в Рим, было одним из основных источников снабжения армии и раздач хлеба населению, а Сицилия — «житницей республики» (Cic. Verrg., II, II, 2, 5). Цель римской налоговой политики поэтому состояла в том, чтобы обеспечить регулярные поставки зерна из Сицилии, но не доводить дело до истощения ее сельского хозяйства. Прекрасным инструментом такой политики был «Гнеронов закон», ограничивавший прибыли и злоупотребления откупщиков; именно с такой целью римское правительство не допустило к откупу десятины публиканов и устанавливало довольно высокие цены на «закупаемый хлеб».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Sanctis G. De. Storia dei Romani, vol. III, pt. 2. Torino, 1917, p. 311; Carcopino J. La loi de Hieron et les Romains. Paris, 1919, p. 44, 106; Scalais R. La prospérité agricole et pastorale de la Sicile depuis la conquête romaine jusqu'aux guerres serviles. — «La Musée Belge», t. 28, 1924, p. 80; Frank T. Rome after the Conquest of Sicily. In: «The Cambridge Ancient History», vol. VII. Cambridge, 1928, p. 796; Scramuzza V. Roman Sicily. In: «An Economic Survey of Ancient Rome», vol. III. Baltimore, 1937, p. 236—237; Woodhead A. G. The Greeks in the West. London, 1962, p. 116; Toynbee A. Hannibal's legacy, vol. II, London, 1965, p. 227.

2. Toynbee A. Op. cit., p. 227.

3. Carcopino J. La loi de Hieron..., p. 106.

4. Toynbee A. Op. cit., p. 227.
5. Arnold W. T. *The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great*, ed. II. Oxford, 1906, p. 26; Stevenson G. H. *Roman Provincial Administration till Age the Antonines*. Oxford, 1949, p. 136; Badian E. *Roman Imperialism in the Late Republic*, ed. II. Oxford, 1968, p. 18.
6. Badian E. *Roman Imperialism...*, p. 16.
7. Ferrabino A. *Le imposte diritte dei Romani in Sicilia. — «Atene e Roma», anno I, p. 196—198.*
8. Mazzarino S. *In margine alle «Verrine» per un giudizio storico sull'orazione «de frumento»*. In *«Atti del I Congresso Internazionale di studi Ciceroniani»*, vol. II. Roma, 1961, p. 99—118.
9. Calderone S. *Problemi dell'organizzazione della provincia di Sicilia. — «Kokalos», vol. 10/11, 1964/1965, p. 84; Sartori F. Le condizioni giuridiche del suolo in Sicilia. In: Atti del Convegno internazionale sul tema: I diritti locali nelle province romane con particolare riguardo del suolo», Roma, 1974, p. 226—227.*
10. Шифман И. Ш. *Рабство в Карфагене. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 246—247; Holm A. Geschichte Siziliens im Alterthum, Bd. III, Leipzig, 1898, S. 82, 372; Sanctis G. De. Op. cit., vol. III, pte. 2, p. 352; Rauber H. Die agrarischen Verhältnisse Siziliens im Altertume besonders zur Zeit Ciceros. Bayreuth, 1919, S. 12, 23; Pais E. Storia della Sardegna e della Corsica durante il dominio Romano. Roma, 1923, p. 316—317; Gsell S. Histoire ancienne de L'Afrique du Nord, 3—ème éd., t. II. Paris, 1928, p. 311; Frank T. Rome and Italy of the Republic, p. 68; Ensslin W. Der Einfluss Karthagos auf Staatsverwaltung und Wirtschaft der Römer. In: «Rom und Karthago». Leipzig, 1943, S. 265—266; Scaturro I. Storia di Sicilia. L'eta antica, vol. II. Roma, 1950, p. 94; Pareti L. Sicilia antica. Palermo, 1959, p. 271.*
11. Meitzer O. *Geschichte der Karthager*, Bd. II. Berlin, 1896, S. 265—268; Walbank F. W. *A Historical Commentary on Polybius*, vol. I. Oxford, 1957, p. 137.
12. Freeman E. A. *The History of Sicily*, vol. IV. Oxford, 1894, p. 233; Holm A. Op. cit., Bd. III, S. 82; Sanctis G. De. Op. cit., vol. III, pte. 2, p. 352; Carcopino J. *La loi de Hieron*, p. 51—55; Rauber H. Op. cit., S. 22; Pareti L. Op. cit., s. 271; Scaturro I. Op. cit., p. 94; Heuss A. *Der erste Punische Krieg und das Problem des römischen Imperialismus*, 2. Aufl. Berlin, 1970, S. 81.
13. Holm A. Op. cit., Bd. III, s. 327; Schwahn W. *Tributum und tributus. — RE. Bd. VII A 1, 1939, Sp. 15.*
14. *О содержании «Гieroнова закона» см.: Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). — Санкт-Петербург, 1889, с. 33—43; Carcopino J. La loi de Hieron et les Romains. Paris, 1919, p. 1—44; Rauber H. Op. cit., s. 22—29; Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syracus. Prag, 1929, s. 137—139; Pritchard R. T. Cicero and the Lex Hieronica. — «Historia», Bd. 19, 1970, p. 325—368; Сизов С. К. Податный устав Гieroна II. — В кн.: Из истории античного общества. Горький, 1979, с. 47—64. Примерные нормы «Гieroнова закона» излагаются здесь в согласии с тем вариантом реконструкции их, который был предложен в последней из указанных работ.*
15. *Источники см. в работах: Badian E. Publicans and Sinners. Duplicin, 1972, p. 36—40; Hill H. Roman Revenues from Greece after 146 B. C. — «Classical Philology», vol. 41. 1946, p. 42.*
16. *Ростовцев М. И. Ук. соч., с. 49; Scramuzza V. Roman Sicily, p. 238; Finley M. I. Ancient Sicily. London, 1968, p. 125.*

17. Frank T. *Rome and Italy of the Republic*, p. 102; Badian E. *Publicans and Sinners*, p. 22.
18. В 212 г. им удалось даже сорвать комиция (Liv, XXV, 3, 8—9).
19. Carcopino J. *La loi de Hieron*, p. 101—102.
20. Вмешательство Сфения никак не подтверждает мнение Ф. Сартори (Sartori F. *Le condizioni giuridiche del suolo in Sicilia*, p. 243), который считает, что местная система откупа давала широкий простор для злоупотреблений откупщиков, и сицилийцы охотно предпочли бы ей обычную практику откупа налогов публиканами. Еще более характерно в этом смысле одно из коллективных требований общины провинции с просьбой к сенату заставить преемников Верреса соблюдать «Гниронов закон» (Cic., *Verr.* II, III, 60, 147).
21. Carcopino J. *La loi Hieron*, p. 112—114; Ferrabino A. *Op. cit.*, p. 198.
22. Эта разница в цене объясняется либо тем, что «*frumentum imperatum*» взимался позже второй десятины, когда рыночные цены на хлеб в Сицилии уже повышались (Carcopino J. *La loi de Hieron*, p. 173), либо тем, что таким образом как бы компенсировалась тяжесть этой дополнительной обязанности земледельцев, уже отдавших пятую часть урожая (Rostowzew M. *Frumentum*). *RE*, Bd. VII, 1912, Sp. 165.
23. Scramuzza V. *Roman Sicily*, p. 240.
24. Конкретно Цицерон упоминает также рыночные цены: 3 сестерция (Cic. *Verr.*, II, III, 30, 72), 2,5 сестерция (*ibid.*, 37, 84; 39, 90; 74, 173), 2 сестерция за модий (*ibid.*, 76, 174), существовавшие в различных местах острова в различные годы с 73 по 71 г. до н. э.
25. О возможных «*raisons d'être*» этих вычетов см.: Carcopino J. *La loi de Hieron*, p. 185—189.
26. Mazzarino S. *Op. cit.*, p. 99—118.
27. Ячмень в Сицилии стоил в два раза дешевле пшеницы (Cic. *Verr.*, II, III, 81, 188). Закон Теренция-Кассия обязательно учитывал бы эту разницу.
28. Вторая десятина стояла казне около 9 млн. сестерциев в год, а «*frumentum imperatum*» — только 2,8 млн. сестерциев (Cic. *Verr.*, II, III, 70, 163).
29. Mazzarino S. *Op. cit.*, p. 108.
30. Carcopino J. *La Sicile agricole au dernier siècle de la République Romaine*. — «*Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*», Bd. 4, 1906, p. 154—155; Pritchard R. T. *Some Aspects of First Century Sicilian Agriculture*. — «*Historia*», Bd. 21, 1972, p. 657—658.
31. Scramuzza V. *Roman Sicily*, p. 269.

Ю. Б. Циркин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФОКЕЙСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

(Новгородский госпединститут)

В науке уже признано, что история западного эллинизма исследована гораздо хуже, чем эллинизма восточного. Это относится и к колониям, выведенным фокейцами, которые на-

рали довольно большую роль в политической, экономической и культурной истории Западного Средиземноморья. Каковы же были взаимоотношения фокейских городов? Этот вопрос распадается довольно ясно на две части: отношения между Массалией и ее колониями и отношения между Массалией и городами, основанными непосредственно жителями Фокеи,

Массалия, основанная ок. 600 г. до н. э., довольно скоро сама превратилась в метрополию, выводя колонии прежде всего в Южную Галлию. Уже в VI в. до н. э. массалиоты основывают Антиполь, Фелину и Агату¹ на важнейших торговых путях к Италии, вдоль Родана, к лигурам современного Лангедока и к Испании. К IV в. до н. э. два последних города были, по-видимому, массалиотами потеряны, но зато, начиная с 350 г. до н. э., они создают Ольбию и ряд других колоний на галльском побережье и внутри страны². Вероятно, массалиотами же был основан Алонис на испанском побережье; во всяком случае, Артемидор, называя соседний

Гемероскопейон колонией фокейцев (Steph. Byz., V. Ημεροσκοπεῖον), об Алонисе говорит как о городе и острове Массалии (Steph. Byz., V. Ἀλωνίς).

Сведения о массалиотских колониях дошли до нас во многом в довольно позднем словаре Стефана Византийского, который в данном случае использовал данные Артемидора и Аполлодора. Анализируя указания Стефана, Ж. Брюнель пришел к выводу, что все массалиотские колонии, упоминаемые лексикографом, находились в подчинении у метрополии, составляя, по выражению исследователя, «политический домен» Массалии³. Позже Ж. Де Вевер исследовала историю территориального расширения массалиотской хоры⁴, в состав которой входили и города, основанные массалиотами. Однако выводы Ж. Брюнеля о подчинении массалиотами основанных ими колоний были недавно поставлены под сомнение⁵ и поэтому необходимо вернуться к этому вопросу, не повторяя анализа сообщений Стефана.

Два города называет Плиний, как и Стефан, городами массалиотов. Первый из них—Афинополь массалийцев (III, 35). Такое определение само по себе еще не говорит о зависимости Афинополя от массалиотов, тем более что, по словам того же автора (III, 33), в устье Родана находилась Рода родосцев, а саму Массалию Плиний (III, 34) называет городом фокейцев. Поэтому можно думать, что родительный падеж означал не политическую зависимость, а происхождение города. Однако второй случай требует иное толкование. Плиний (III, 33) говорит, что Агата была *quondam*

Massiliensium. Наречие *quondam* (некогда) свидетельствует, что здесь речь идет не об основателях, а о хозяевах Агаты: в противном случае было бы непонятно, почему в современный Плинию или его источнику период она перестала быть городом массалиотов.

Цезарь (*Bel. Civ.*, II, 4, 5) называет Тавроэнтий крепостью массалиотов, что свидетельствует о принадлежности города массалиотам во время войн Цезаря с Помпеем.

Полибий (*XXXIII*, 4, 1—2) рассказывает, что массалиоты, претерпевая много бед от лигуров после того, как те захватили Антиполь и Никею, обратились к римлянам с просьбой о помощи. Историк не говорит прямо о принадлежности этих городов массалиотам, но тот факт, что их захват послужил причиной массалиотской просьбы и что римляне сочли эту причину основательной (по крайней мере, они отправили специальное посольство вместе с массалиотами для ознакомления с действительным положением дел), свидетельствует о распространении массалиотского влияния на Антиполь и Никею. По Полибию, захват этих городов был в числе тех зол, которые терпели массалиоты от соседей.

К сожалению, не сохранилась XVII книга Ливия, в которой содержался рассказ о тех же событиях, однако в периферии упоминается, что римляне вели войну с лигурами, «которые опустошали города массалиотов Антиполь и Никею». Таким образом, по Ливию, оба города принадлежали массалиотам.

Наконец, в нашем распоряжении имеется интересное соображение Страбона (*IV*, 1, 9), который говорит, что Никея, хотя и относится к Италии в соответствии с ныне (видимо, в I в. до н. э.) установленной границей, является городом массалиотов. Несколько ниже он указывает, что Никея остается под управлением массалиотов, а Антиполь отнят у них по решению суда и освобожден от обязанности подчиняться их приказаниям. Эти слова географа определенно свидетельствуют о власти массалиотов над двумя восточными колониями (над одной — до римского вмешательства). Объясняя, почему Никея является городом массалиотов, Страбон пишет, что те основали ее и другие города этого района как укрепления против «варваров». А немногим раньше (*IV*, 1, 5) он же писал, что массалиоты построили против «варваров» укрепления в Иберии (надо думать, что речь идет об Алонсе), на Родане и восточнее Массалии, называя в их числе Роду, Агату, Тавроэнтий, Ольбию, Антиполь и Никею. Так что можно вполне определенно считать все эти города находившимися в политической зависимости от Массалии.

Никея, как мы видели, была оставлена под массалиотской властью и римлянами. И в этом городе была найдена

латинская надпись (CIL, V, 7914) в честь некоего Гая Меммия Макрина, который среди других должностей, в том числе и дуумвира Массалии, занимал и пост епископа никейцев. В Цеменеле найдено посвящение Юпитеру и другим богам, сделанное Тиберием Клавдием Деметрием, одной из должностей которого было «епископ нижней страны» (CIL, V, 7870)⁶. Под «нижней страной», как полагал издатель (Т. Моммзен), надо подразумевать побережье в противоположность «верхней стране». Должность епископа встречается у греков: в частности, такое название носили должностные лица, посылаемые афинянами в подчиненные города⁷. В Риме такая должность не встречается. Цицерон, упоминая епископа, пишет это слово греческими буквами⁸. Вполне правомерно считать эту должность в данном случае массалиотской, тем более что Никея и ее район оставались под управлением Массалии.

Таким образом, мы видим, что колонии, выведенные массалиотами, находились в зависимости от метрополии, которая посылала туда «надзирателей» (епископов), и составляли часть массалиотской хоры, о которой писал Псевдо-Аристотель (*De mig. susc.*, 89)⁹. Однако означает ли это, что они вообще не имели самоуправления, составляя интегральную часть массалиотского полиса, при нынешнем состоянии наших знаний утверждать невозможно.

Можно полагать, что массалиотские колонии сразу же возникли как города, зависимые от метрополии. Это вытекает из слов Страбона, объясняющего зависимость Никей тем, что массалиоты построили этот и другие города как укрепления. Следовательно, по мысли этого автора, сама постройка массалиотами укреплений привела эти укрепления к зависимости от основателей. Строя форпосты, направленные против враждебно настроенных местных племен, массалиоты, естественно, не могли позволить им стать полностью независимыми: иначе строительство потеряло бы свой смысл. Так что само существование в чужой, в значительной степени враждебной среде привело к появлению зависимых городов. Новые поселения должны были, видимо, облегчить и продовольственное положение массалиотов, как вытекает из слов Страбона (IV, I, 5), связывающего бедность первоначальной массалиотской территории с захватом ими новых земель. Это также могло быть толчком к осуществлению ими власти над своими основаниями.

Более сложен вопрос об отношениях между Массалией и ее «сестрами», колониями, выведенными Фокеей¹⁰. В источниках часто встречается, что города, основанные Фокеей, приписываются Массалии. Так произошло с Гемероскопейном (*Strabo*, III, 4, 6), Майнакой (*Ps.—Scymn.*, 146—149), Эмпорьюном (*Ps.—Scyl.* 2; *Ps.—Scymn.* 202—203; *Strabo*, III,

4, 8), Родой (Ps.—Scyth. 202—203). Это можно объяснить различно. Массалия была важнейшей фокейской колонией на Западе, самой крупной и сильной. Поэтому вполне возможно, что в глазах некоторых античных авторов она постепенно превращается в метрополию всех западных фокейцев, в действительности ею не являясь. Однако вполне возможно, что эти высказывания отражают политическую реальность: гегемонию Массалии над остальными фокейцами. Поэтому необходимо, насколько это возможно, рассмотреть конкретно отношения между массалиотами и другими западными фокейцами.

Мы начнем с массалиотско-эмпоританских отношений. Прежде всего надо отметить различную политику этих двух центров по отношению к этрускам. На галльском побережье этрусская керамика исчезает до середины VI в. до н. э.¹¹. Это свидетельствует о конце «мирного сосуществования» фокейцев и этрусков в этом районе и о начавшейся борьбе, самым знаменитым эпизодом которой стала битва при Алалии ок. 535 г. до н. э. (Her., 1, 166), в результате которой фокейцы осевшие на Корсике, были вынуждены покинуть остров (массалиоты в этой битве не участвовали). Иное положение сложилось в Эмпорионе. Этрусский импорт в этом городе и местных поселениях Северо-Восточной Испании, куда он мог попасть только через эмпоританский порт, не только не исчезает к середине VI в., но и продолжается и после битвы при Алалии¹². После этой битвы продолжают существовать и торговые связи Эмпориона с финикийским миром, осуществляемые, по-видимому, через карфагенский Эбес¹³. Все это говорит о различной внешнеторговой ориентации Массалии и Эмпориона, что было бы невозможно при политическом подчинении последнего первой.

Наблюдаются также различия в торговых контактах двух городов с греческим миром. В частности, в них различен масштаб аттического импорта. Если в Массалии количество аттической керамики резко падает после последней четверти VI в. до н. э.¹⁴, то в Эмпорионе число аттических изделий постепенно растет, достигая апогея в первое двадцатилетие V в.¹⁵. Это свидетельствует о том, что Эмпорион устанавливает прямые связи с Афинами, минуя Массалию¹⁶. Наконец, надо отметить, что как раз в это время присутствие массалиотов в Северо-восточной Испании никак не ощущается, в то время как развивается эмпоританская торговля¹⁷.

Конечно, на основании только этих данных еще нельзя уверенно говорить, является ли такое положение следствием различной политики или случайности находок. Но другие факты позволяют склониться к первой точке зрения. Это — данные нумизматики. Первоначально в обоих городах име-

ли хождение анэпиграфные монеты типа найденных в кладе Оршоля. Затем в течение некоторого времени импортируют массалиотскую монету, выбивая на ней инициалы родного города, а к середине V в. переходят к чеканке монеты, вдохновляемой афинским образцом и совершенно отличной от массалиотской¹⁸. Массалиотская же монета, как и керамика, становится редкой на северо-востоке Пиренейского полуострова¹⁹.

Археологические находки на территории современных Лангедока и Русильона показывают наличие в местных поселениях как массалиотской, так и импортанской керамики, что служит свидетельством конкуренции этих городов. Видимо, через Эмпорион проникают сюда и карфагенские изделия²⁰.

Все это, разумеется, не приводит к отрицанию каких-либо вообще связей между Массалией и Эмпорионом. В поэме Авнена Эмпорион не упоминается, но, вероятнее всего, он подразумевается под названием Пирена²¹. В таком случае надо обратить внимание на слова поэта о частых торговых поездках массалиотов в Пирену (Ог. таг., 560—561). Об этих контактах говорит и отмеченная выше имитация импортными массалиотских монет, и массалиотская керамика, появляющаяся в испанском городе во второй половине VI в. до н. э.²².

Итак, можно сделать вывод, что Эмпорион и Массалия, сохраняя взаимные, главным образом торговые, связи, были, однако, независимы друг от друга, и самым ярким свидетельством этому является их внешняя и внешнеторговая политика, временами совершенно противоположная, как и, по-видимому, существовавшая конкуренция в районах по обоим склонам Пиренеев. Этот вывод действителен для времени до конца V в. до н. э. Для более позднего времени нет достаточных данных. Косвенное свидетельство дают только данные нумизматики. К концу V в. оба города принимают новый тип монеты, созданный по сиракузскому образцу²³, но весовой эталон монет различен²⁴. Видимо, и после конца V в. оба города не зависели друг от друга. Правда, к IV в. относится первое упоминание Эмпориона как массалиотской колонии (Ps—Scyl., 2). Однако это можно объяснить той первой возможностью, о которой говорилось выше, а не реальным положением.

В источниках сохранились некоторые сведения о связях Массалии с Элеей. Так, Псевдо-Скимн (250—252) пишет, что Элея была городом массалиотов и фокейцев, бежавших во время персидской войны. Харакс (у Steph. Byz., v. Τροίη ἔρη) упоминает массалиотскую область в Италии. К этому же автору восходит, возможно, и сообщение Евстафия (ад. Н, II, 561) о массалиотской Италии. На основании этих текстов некоторые исследователи считают, что массалиоты участво-

вали в основании Элеи²⁶. Однако такой вывод делать нельзя²⁶. Тексты говорят скорее о роли массалиотов в жизни уже существующего города, чем об их участии в его основании, да и историческая обстановка создания Элеи противоречит такому допущению.

Об этом же свидетельствует, как и в случае с Эмпорием, внешняя политика Элеи. После разрушения Сибариса, бывшего главным посредником между этрусками и греческим миром²⁷, этруски должны были искать новый пункт связи с эллинами, и они нашли его, видимо, в Элесе. С этим, вероятно, связано искупление церетанами убийства пленных фокейцев (Her., I, 167)²⁸. О связях элейцев и этрусков говорит и обильный нумизматический материал. К концу VI—началу V в. до н. э. относится клад в Волатерре, включающий монеты типа найденных в Орноле²⁹, и самые ранние элейские монеты относятся к этому же типу³⁰. Поскольку отношения между массалиотами и этрусками оставались в это время враждебными, то вероятно, что монеты, обнаруженные в Этрурии, прибыли туда через элейцев. Хорошие этрусско-элейские отношения прекратились после разгрома этрусского флота в битве при Киме. Это, однако, объясняется изменением не внешнеполитической ориентации Элеи, а основного направления этрусских связей, когда этрусские государства превращаются в континентальные³¹ и их торговые связи устремляются в основном на север. К тому же во второй половине V в. до н. э. Кампанию завоевывают самниты³², а это явно привело к утрате элейско-этрuscoских контактов, если они и сохранялись после 484 г. до н. э.

Элейская монета в первые годы существования города была похожа на массалиотскую³³. Однако это объясняется общим происхождением двух городов. Ок. 480 г. до н. э. Элея изменяет монетную систему, приняв ту, которая была широко распространена в Великой Греции³⁴. И с этого времени пути массалиотской и элейской чеканки расходятся.

И все-таки полностью отрицать значение текстов Псевдо-Скимна, Харакса и Евстафия едва ли возможно. Первый автор называет Элею городом массалиотов и фокейцев. Надо подчеркнуть, что он не связывает основание Элеи с деятельностью массалиотов. Так как он говорит тут же о фокейцах, бежавших во время персидской войны, то, следовательно, знает об обстоятельствах основания города, и поэтому едва ли можно предполагать, что Массалия была в его глазах метрополней Элеи.

Харакс и Евстафий говорят о городе Трезене и массалиотской хоре в Италии. Эти тексты недостаточно ясны. Ж. Брюнель предложил вставить в фразу Харакса, как она приведе-

на Стефаном, между словами *ἐν Μασσαλία* и *τῆς Ἰταλίας* союз *καί*:

и читать *ἔστι δὲ καὶ ἐν Μασσαλία < καὶ > τῆς Ἰταλίας*, т. е. «ссть (Трезен — Ю. Ц.) и в Массалии, и в Италии»³⁵. Однако такая конъектура едва ли возможна. Ведь у нас имеется и текст Евстафия, который в несколько другой форме говорит о массалиотской хоре в Италии. Предлагается и другое объяснение: в основании Посейдонии решающую роль сыграли трезенцы, и поэтому ее некоторые авторы называют Трезеном, а находился этот италийский Трезен вблизи Элеи, считавшейся массалиотской колонией, поэтому-то и всю область вокруг Элеи, в том числе район Посейдонии—Трезена называли массалиотской³⁶. Однако в этой гипотезе слишком много допущений. И совершенно непонятно, почему Посейдонию, даже если она и называлась Трезеном, включали в массалиотскую область, в то время как этот город никогда не был связан с Массалией.

Выход из этого положения предложил П. К. Сестьери. Итальянский археолог считает Трезен городом, отличным и от Посейдонии, и от Элеи, и локализует его на склонах горы Трезино, где он позже и открыл следы древнего города: части каменных стен и многочисленные обломки черепицы³⁷. Доводы П. К. Сестьери серьезны и их надо принять.

Таким образом, в районе Элеи, действительно, находился Трезен, относящийся к массалиотской хоре. Выше мы видели, что такие города в Галлии непосредственно подчинялись Массалии. В случае враждебных отношений между Массалией и Элеей первая едва ли могла основать город вблизи второй. Уже это предполагает дружеские отношения между двумя фокейскими колониями. А с другой стороны, по Псевдо-Скимну, Элея, хотя и была основана фокейцами, была городом и массалиотов. Следовательно, массалиотская власть в той или иной степени распространялась и на Элею.

Косвенным поводом в пользу такого вывода является и то, что перипле Псевдо-Скилака эмпориты названы массалиотскими колонистами (2), а Элея, как и Посейдония, просто эллинским городом (12). Видимо, в IV в. до н. э., а точнее — во время источника Псевдо-Скилака, Массалия еще не считалась метрополией Элеи. Поэтому можно думать, что название Элеи массалиотским городом отражает в данном случае политическую реальность, возникшую уже после источника Псевдо-Скилака.

Видимо, признание элейцами массалиотского главенства надо связать с вторжением лукаянов. Ок. 400 г. до н. э. они завоевали Посейдонию (Strabo, VI, I, 3) и несколько позже Лаос (Diod., XIV, 91, 1), расположенный южнее Элеи³⁸. Элея

оказалась охваченной луканами с севера и с юга. Угроза, с одной стороны, луканов и растущей мощи сиракузской державы Дионисия, с другой³⁹ — привела к возникновению Италийского союза (Diod., XIV, 91, 1). Среди членов этого союза была и Элея (Polyaen., VI, 11). И все же, по-видимому, этого оказалось недостаточно: опасность была столь велика, италийские союзники столь далеко, а враги совсем близко, что возникла необходимость в дополнительных гарантиях, которые мог дать родственный и сильный город. Вероятно, именно тогда, в начале IV в. до н. э., последовало признание элейцами массалиотской гегемонии и разрешение основать вблизи Элеи массалиотский Трезен. Возможно, это произошло вскоре после 386 г. до н. э., когда Дионисий захватил и разрушил Регий⁴⁰, город, который когда-то приютил фокейцев после битвы при Алалии и с которым элейцы были тесно связаны и в последующее время.

К сожалению, нет никаких сведений о том, как развивались отношения между Массалией и фокейскими городами в Испании, кроме Эмпориона. То, что Псевдо-Скимн и Страбон называют их массалиотскими, еще само по себе не свидетельствует об их подчинении Массалии. Не свидетельствует об этом и сравнение указаний Страбона на принадлежность Майнаки фокейцам (III, 4, 2) и Гемероскопейона — массалиотам (III, 4, 6). Это можно объяснить использованием географом различных источников (сам он в Испании, по-видимому, не был).

И все же обстановка, сложившаяся в этих районах, позволяет высказать некоторые предположения. Обращает на себя внимание факт, что во всех случаях, когда речь идет о борьбе между фокейцами и карфагенянами, кроме битвы при Алалии, противником Карфагена выступает только Массалия. Можно ли это интерпретировать как свидетельство нейтралитета других фокейских городов, в том числе Кайнаки и Гемероскопейона? Едва ли. Эти города были расположены в опасной сфере достигаемости карфагенян. Укрепление последних у Геракловых Столпов и захват ими западной части Тартеосиды вместе с самим Тартессом явились тяжелым ударом для Майнаки. Этот город был центром связи фокейцев с Тартессом, от него шла к Тартессу сухопутная дорога (Av. Og. map., 180—182), контакты с тартессиями облегчал и тартессийский порт на острове напротив Майнаки (Av. Og. map., 428—431). К тому же находилась она между двумя финкийскими городами. Все это заставляет отбросить предположение о нейтралитете Майнаки: слишком она была заинтересована в победе над карфагенянами.

Не менее был заинтересован в этом и Гемероскопейон, как и упомянутый, но не названный Страбоном (III, 4, 6)

соседний городок. Их процветание в тот момент зависело от пути в Тертесс, в том числе и через «островной мост». Однако этот последний был теперь перерезан, так как после конца фокейской талассократии факелы едва ли могли свободно миновать Эбес. Да и путь в Тартессиду после карфагенской экспансии на юге Испании в значительной степени обсецился. Так что в борьбе с Карфагеном были заинтересованы и эти фокейские колонии.

Надо, однако, еще раз повторить, что никаких сведений об их участии в борьбе нет. Можно, конечно, предположить, что такие сведения просто не дошли до нас. Но один факт позволяет в этом усомниться. В нашем распоряжении имеется отрывок из труда Сосила Лакедемонского (F. Gr. Hist., II B, Sosalos von Lakcdaimon, fr. III); повествующий о битве при Артемисии вскоре после 485 г. до н. э., в которой массалиоты одержали победу над карфагенянами⁴¹. Так как Артемисий — мыс, в районе которого находились и Гемероскопейон, и анонимный городок, то их воины должны были участвовать в сражении. Все эти соображения приводят нас к мысли, что Майнака, Гемероскопейон и анонимный городок были к тому времени союзниками Массалии, причем последняя осуществляла в этом союзе гегемонию, и поэтому все союзники выступали под общим именем массалиотов, подобно тому, как в Пелопоннесской войне часто под именем лакедемонян выступали и спартанцы, и их союзники.

Сказанное позволяет представить взаимоотношения фокейских городов. В развернувшейся финикийско-фокейской борьбе Майнака, Гемероскопейон и соседний городок заключили союз с Массалией, признав ее гегемонию. Эмпорион же, находившийся вдали от театра военных действий, связанный экономическими интересами не с Южной и Юго-восточной, а с Северо-восточной Испанией, где он к тому же конкурировал с Массалией, не был заинтересован в этом союзе. Возможно, что в III в. до н. э., когда завоевания Баркидов стали угрожать и Эмпориону, он пошел на союз с массалиотами (как и на союз с Римом, в чем нет сомнений). Но если это так и было, то произошло уже поздно, когда Массалия больше играть решающую роль не могла. Может быть, то же самое надо сказать и о Роде, эллинском городе несколько севернее Эмпориона. На Апленинском же полуострове угроза луканского нашествия и недостаточная сила Италиотского оююза заставили элейцев признать массалиотскую гегемонию.

Таким образом, можно говорить, по-видимому, о существовании в Западном Средиземноморье Массалиотского союза, объединяющего большинство фокейских городов этого региона, распространившегося на Южную Галлию, Восточную Ис-

панию с Майнака к середине IV в. до н. э. была разрушена) и Италию. Какова была власть Массалии над своими союзниками или, наоборот, какова была степень самостоятельности союзников, неизвестно⁴². Надо, однако, отметить, что и в районе Гемероскопейона имелся массалиотский город Алонис, и в районе Элен — Трезен. Возможно, что эти города играли роль наблюдательных пунктов и гарантов подчинения Гемеройскопейона и Элен гегемону. В прямом же подчинении Массалии находились ее колонии, входившие в состав массалиотской хоры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Morel J. P. L'expansion Phocéenne en Occident. — BCH, t. XCIX, 1975, p. 867.
2. Ibid., p. 866; Clavel-Lévêque M. Marseille grecque, Marseille, 1977, p. 80.
3. Brunel J. Etienne de Byzance et la douain Marseillaise, — REA, t. XLVII, 1945, p. 122—133.
4. De Wever J. La *chora* massaliote d'après les fouilles récentes, — «L'antiquité classique», t. XXV, 1966, p. 71—177.
5. Goudineau C. La Gaule transalpine. — en «Rome et la conquête du Monde Méditerranéenne», t. 2, Paris, 1978, p. 685.
6. Подчеркнем, что слово «страна» дано, хотя и латинскими буквами, но в греческой форме: *chora*.
7. Szanto. *Επίσκοποι* — RE, Hbd. XI, 1907, Sp. 199.
8. Thesaurus Linguae Latinae, v. V, f. V, 1935, v. episcopus.
9. Мы не рассматриваем туземную часть хоры.
10. Ср.: Goudineau C. Op. cit., p. 866; Morel J. P. Op. cit.; idem. Les Phocéens en Occident, — «Parola del Passato», f. CVIII—CX, 1966, p. 406—407, 411.
11. Gallet de Santerre H. A. propos de la ceramique de Marseille, — REA, t. LXIV, 1962, p. 387; Morel J. P. L'expansion..., p. 872—873.
12. Villard F. La céramique grecque de Marseille, Paris, 1960, p. 33; Sanmarti E. y Martí F. Algunas observaciones sobre el comercio etrusco en Ampurias, — «Simposio de colonizaciones», Barcelona, 1974, p. 53—59.
13. Maluquer de Motes J. Los Fenicios en Cataluna, — «Tartessos», Barcelona, 1969, p. 244—249.
14. Villard F. Op. cit., p. 33.
15. Ibid., p. 117.
16. Blazques J. M. La colonización griega en Espana en el cuadro de la colonizaciones griega en Occidente, — en «Simposio de colonizaciones», p. 75.
17. Ibid.
18. Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines, p. 11, t. 1, Paris, 1907, col. 1580—1584; Amoros J. Les monedes empuritanes anteriores a les dracmes, Barcelona, 1934, p. 64—65; idem. Una troballa de monedes empuritanes, Barcelona, 1933, p. 6.
19. Blazquez J. M. Op. cit., p. 75.
20. Morel J. P. L'expansion..., p. 872.

21. См.: Коротких Л. М. Труд Авиена как источник по истории финикийской колонизации Испании. — «Нордия», вып. 2. Воронеж, 1978, с. 43—44.
22. Villard F. Op. cit., p. 33.
23. Ibid., p. 102; Amoros J. Les monedes..., p. 65.
24. Villard F. Op. cit., p. 118.
25. Brunel J. Marseille et les fugitifs de Phocée, — REA, t. L, 1948, p. 13—14.
26. Ср.: Pugliese-Caratelli G. Nascita di Velia. — in «Parola del Passato», f. CXXX—CXXXIII, 1970, p. 14—15.
27. Залесский Н. Н. К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965, с. 101—102.
28. Ciaceri E. Storia della Magna Grecia, v. I, Milano—Genova, 1928, p. 293; Panebianco V. II. Commercio italota, — in «Parola del Passato», f. CVIII—CX, 1966, p. 249.
29. Babelon E. Op. cit., col. 1579—1580; Vallet G. Région et Zancle, Paris, 1958, p. 188.
30. Babelon E. Op. cit., col. 1580; Seltman Ch. Greccoins, London 1955, p. 80.
31. Pallotino M. Etruscologia, Milano, 1963, p. 135.
32. Залесский Н. Н. Ук. соч., с. 115—118.
33. Seltman Ch. Op. cit., p. 80.
34. Babelon E. Op. cit., col. 1425—1426.
35. Brunel J. Etienne de Byzance..., p. 123.
36. Bégarд J. La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de Sicile dans l'antiquité, Paris, 1957, p. 216.
37. Sestieri P. C. Le origini di Posidonia, — in «Archeologia classica», v. II, 1950, p. 183—184; idem. Ancora sulle origini di Posidonia, — in «Archeologia classica», v. 1952, p. 79.
38. Schereschewsky J. Die politische Bezuehungen der unteritalischen Griechenstädte zu den nichtgriechischen Völkernschaften Italiens, Leipzig, 1934, s. 32.
39. Фролов Э. Д. Сицилийская держава Днонисия. Л., 1979, с. 76—82.
40. Там же, с. 79—80.
41. Подробнее об этой битве: Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 32—33.
42. Ж. Берар (Op. cit., p. 270) говорит о «покровительстве» массамотов другим финикийским колонистам, но совершенно не ясно, что надо понимать под этим выражением.

А. Н. Гуров

ФЕОДОСИЯ И ФАНАГОРИЯ В СИСТЕМЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

(г. Феодосия)

Феодосия и Фанагория занимают особое место в истории Боспорского государства. Объясняется это их ролью в политике и экономике Боспора. Источники убеждают, что оба города зачастую имели общие исторические судьбы, и не случайно поэтому тенденция сопоставлять факты их истории¹. Та-

кое сопоставление часто позволяет внести новые моменты в общую историю политической структуры Боспора. В первую очередь это следует отнести к Феодосии, которая лишь в последнее время стала объектом постоянного изучения.

О возникновении города сообщает Арриан: «Это был древний эллинский город, ионический, основанный милетянами» (Per. 39—44). К Арриану почти дословно восходит упоминание Феодосии в позднем перипле псевдо-Арриана (Per. 77). Дальнейшая история города очерчивается письменными источниками столь же скупо. Из того же псевдо-Арриана известно, что в Феодосии «некогда проживали изгнанники из Боспора» (Per. 77). Указание достаточно неясное, не связанное с хронологией, и единственное, что можно уяснить из этого фрагмента, это то, что Феодосия в один из периодов своей истории, а возможно, и постоянно сохраняла враждебность к Боспору. Затем схолия Ульпиана к Демосфену под словом «Феодосия» сообщают, что это местечко вблизи Скифии, при осаде которого умер Сатир. Между тем в речи Демосфена против Лептина Феодосия фигурирует как город, явно входящий в состав государства Спартокидов. По словам Демосфена, Левкон (имеется в виду Левкон I) устроил «новый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора» (Adv. Lept., 31). В промежутке между этими событиями, по-видимому, следует поместить события, описанные Полиеном в рассказе о Тиннихе, гераклейском навархе, который освободил от осады «Феодосию Понтийскую, осажденную соседними тиранами и подвергавшуюся опасности быть взятой» (V, 23). Описанные события, по-видимому, связаны с войной за присоединение города на рубеже V—IV вв. до н. э. Согласно Страбону, Феодосия «занимает плодородную равнину и обладает гаванью, могущей вместить 100 кораблей» (VII, 4, 4). К. М. Колобова полагала, что здесь речь идет о сохранении городом прав на прилегающую равнину, где находились и те земельные участки феодосийцев, об одном из которых упоминает Демосфен (XXXV, 32). Исходя из этого, она считает, что города Боспора, в том числе и Феодосия, до позднего времени сохраняли за собой право на свои земельные территории².

Далее Страбон пишет, что через этот порт «Левкон послал афинянам 2100000 медимнов зерна». Помимо того что Феодосия изображается крупнейшим торговым портом, она выступает как важное звено в торговых отношениях с Афинами.

Арриан, касаясь событий более позднего времени, сообщает, что город принимал участие в восстании против Митридата (Mithr., 108). В дальнейшем город запустевает и подвергается сильной варваризации. Во всяком случае, псевдо-

Арриан называет город «опустевшим» и сообщает, что «ныне на алаянском или таврском наречии (город) называется Ардаба, то есть Семибожная» (Рег., 77).

Немногословные сообщения письменных источников наводят ряд подтверждений в довольно скупых археологических данных. Феодосия слабо изучена в археологическом отношении. В 1853—1855 гг. были предприняты раскопки курганного некрополя города. Было исследовано более 11 курганов, относящихся к IV в. до н. э. Наиболее примечательными из находок являются золотые украшения, хранящиеся ныне в Эрмитаже³. Инвентарь курганов указывает на экономическое процветание города в эту эпоху.

В 1892—1894 гг. при строительстве Феодосийского порта, которое велось при участии видного инженера и археолога А. Л. Бертье-Делагарда, было обнаружено большое количество керамического материала античного времени. Материал этот был обработан Э. Штерном⁴. Изучение показало, что уже в VI в. до н. э. существовали активные феодосийско-афинские торговые связи. Начинаются они в середине VI в. до н. э., затем наступает перерыв, совпадающий по времени с греко-персидскими войнами. Торговля возобновляется во второй половине V в. до н. э., а конец V—начала IV в. до н. э. является временем наиболее оживленных феодосийско-афинских торговых отношений⁵.

Разведочные раскопки, начатые в 1949 г., дали достаточно скромный материал. Следует отметить остатки большого здания V в. до н. э., которое подверглось внезапной гибели и было восстановлено в конце IV в. до н. э. По-видимому, это разрушение следует связывать с войной Спартокидов за подчинение города. После этих событий ведутся большие строительные работы по перестройке порта, тогда же на месте разрушенного сооружается новое здание⁶. Война, насколько можно судить, была достаточно тяжелой и, возможно, повлекла разрушение части города.

Обилие аттической керамики, отмечаемое всеми исследователями, указывает на особое значение Афин в торговле Феодосии как до присоединения к государству Спартокидов, так и после него. До II в. до н. э. город сохраняет значение крупного экономического центра.

В боспорской эпитафике надписей, упоминающих Феодосию, сохранилось достаточно много. Название города в фор-

ме *Θεοδοσίη* или *Θεοδοσία* в них содержится в титулатуре правителей Боспора Левкона I и Перисада I (из круга надписей мы исключаем несколько поздних). Наиболее ранние из них датируются 389—388—349—348 гг. до н. э. — временем правления Левкона I (КБН 6, 6-а, 1037, 1038, 1111). Вто-

рая группа относится ко времени правления Перисада I (КБН 9—11, 971, 972, 1014, 1015, 1039, 1040, 1042). Правители именуются в них «архонтами Боспора и Феодосии» и царями местных племен. Титул архонта Феодосии, по-видимому, восходит к традиционному титулу верховного магистрата Феодосийского полиса⁷. В связи с этим обратим внимание на надпись КБН, 9, где Перисад назван архонтом Феодосии и царем местных племен.

Надпись КБН, 23, датируемая первой половиной IV в. до н. э., примечательна тем, что она сохранила этникон. Надпись показывает, что присоединение Феодосии к Боспорскому государству происходит при Левконе I. Причем, как справедливо подметил Д. Б. Шелов, у нас нет никаких оснований полагать, что надписи с титулом Левкона I сохранились только от времени конца его правления. В таком случае город вошел в состав государства уже в начале правления Левкона⁸.

Интересна упомянутая уже надпись КБН, 9, именующая Перисада архонтом Феодосии без добавления обычного «архонт Боспора». Шефер предложил для надписи следующее толкование: после смерти Левкона I его старший сын Спарток получил во владение Пантикапей с частью области, то есть то, что входит в понятие «Боспор», а младший Перисад управлял как архонт Феодосией и как царь—местными племенами⁹. Миннз считал, что в надпись вкралась ошибка —

резчик пропустил слово *βασπορου*¹⁰. Однако в условиях существования на Боспоре практики соправительства гипотеза Шефера вполне рациональна. Во всех надписях Феодосия оговаривается в титуле особо и, по-видимому, представляет из себя что-то вроде особого домена. Город пользуется правами на прилежащие земли, жители города сохраняют этникон. Город, по-видимому, имеет какие-то привилегии в рамках государства. Наиболее разумным объяснением этого положения является гипотеза об автономии города. Правда, сам факт включения города в состав государства показывает, что автономия эта была фиктивной. До какой степени—сказать невозможно. Известно, что Феодосия находилась на западной границе Боспора с варварским миром. Гарпократюн в «Речениях» (Theod) называет Феодосию городом близ скифов. Отношения скифов с Боспором в эту эпоху отнюдь не были дружескими¹¹. К тому же Феодосия сохраняет враждебность по отношению к Боспору. Для удержания города в государстве требовалась гибкость политики. Упоминание города в качестве особой автономной единицы в титуле боспорских правителей, с одной стороны, и сохранение некото-

рых полисных прерогатив, с другой стороны, формально указывало на его независимое положение.

Подтверждением этих соображений может служить нумизматический материал. Известно четыре выпуска монет, чеканенных в Феодосии в V—III вв. до н. э. В последней четверти V в. до н. э. полис чеканит монету мелкого номинала с изображением безбородой головы на аверсе, букрания и надписи ΘΕΟΔΕΩ — на реверсе¹². Следующий выпуск Феодосия предпринимает на рубеже V и IV вв. до н. э. или в первые годы IV в. до н. э. На аверсе этих монет представлена голова Афины, на реверсе — букраний и надпись ΘΕΟΔΕΩ¹³. В середине IV в. до н. э. на реверсе феодосийских монет появляется изображение бодающего быка¹⁴. Последний по времени выпуск, предпринятый в середине или во второй половине III в. до н. э., имеет на аверсе изображение головы Афины, на реверсе — горята, палицы и надпись ΘΕΥ¹⁵. В типологии перечисленных выпусков большое значение имеет изображение головы Афины, в которой усматривают влияние афинской монетной типологии¹⁶, а мотивы быка находят аналогию в типах монет Гераклея Понтийской¹⁷.

Известно, что чеканка монеты являлась одной из важнейших прерогатив полиса. Экономической необходимости чеканить собственную монету Феодосия не имела, поскольку в денежном обращении Северного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. качестве основной валюты ходили кизикины¹⁸. Монеты Феодосия представляют только мелкие номиналы. В силу этого выпуски носили скорее не экономический, а политический характер. Резкое отличие типологии феодосийских монет от типологии монет пантикапейских указывает на то, что эти выпуски носили также антибоспорский характер.

Если сопоставить хронологию и типологию монетных выпусков Феодосии с политическими событиями на Боспоре, получается следующая картина. В 438 г. до н. э. на Боспоре сменяется династия, и уже в начале IV в. до н. э. династия Спартокидов ведет активную завоевательную политику. По-видимому, начало этой политики следует относить именно к приходу Спартокидов к власти. Феодосия, чьи интересы могли быть ущемлены боспорской агрессией на западе, в знак противодействия этой политике предпринимает первый выпуск монет. Второй выпуск совпадает по времени с войной Спартокидов за подчинение Феодосии, и появление на монетах этого времени головы Афины следует рассматривать как попытку ориентации на Афины как на возможного союзника в антиспартокидской борьбе. (Вспомним, что Афины являлись основным торговым контрагентом Феодосии). Однако ориентация на Афины была безуспешной, поскольку со Спартокидами афиняне вели не менее оживленную торгов-

лю. Итогом боспоро-феодосийской войны стало включение города в состав Бдспора. В середине IV в. до н. э. Гераклея ведет войну со Спартокидами¹⁹. К этому же времени относятся появление гераклеийской типологии на феодосийских монетах. Это может указывать лишь на гераклеийскую ориентацию Феодосии в попытках обрести не фиктивную, а реальную самостоятельность. Попытка эта могла быть вызвана наступлением правящей династии на полисные привилегии. Сохранение в титулатуре правителей слов «архонт Феодосии» в более позднее время показывает, что попытка наступления со стороны Спартокидов на права полиса оказалась безуспешной и положение города осталось прежним. Окончательное подчинение города происходит, вероятнее всего, в самом конце IV в. до н. э. Спарток III в надписях именуется себя архонтом и царем (КБН, 974, 1043), архонтом (КБН, 18) или царем (КБН, 19, 20) без всякого упоминания города в титуле. В этом случае четвертый выпуск монет указывает на попытку вернуть утраченные позиции. Как и в IV в. до н. э., Феодосия снова ориентируется на Гераклею. И на этот раз монетный выпуск совпадает с боспоро-гераклеийской войной²⁰. Эта попытка для Феодосии оказалась неудачной.

История Фанагории во многом напоминает историю Феодосии. Впервые город упоминается у Скилака (Per. 72): «За меотами — народ синды; их область простирается и за пределы (Меотийского) озера, и города в ней следующие: город

Фанагора (*Φαναγόρου πόλις*), Кепы, Синдская гавань, Патус». Остров, на котором располагался город, назывался также «островом Фанагора» или «Фанагорием» (Steph. Bys., Taug). Такое положение города делало его крайне удобным стратегическим пунктом, поскольку «остров этот представляет странную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, находящихся по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру» (Ps.—Arr. Per. 73—74). Любопытные данные содержатся в рассказе Страбона. Во-первых, Фанагория характеризуется как главный город Азиатского Боспора. Кроме того, он сообщает, что: «Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны, а Пантикапей — для товаров, привозимых туда с моря» (XI, 2, 10). Нетрудно заметить, что в словах Страбона содержится указание на экономические связи Фанагории и Пантикапей, но вместе с тем здесь говорится об известной экономической специализации города, как, впрочем, и об известной экономической самостоятельности.

Все последующие сообщения античных авторов касаются уже более позднего времени. Мы приводим их, поскольку они

представляют большой интерес. Фанагория являлась инициатором антимитридатовского восстания, причем у Аппиана, который об этом рассказывает, обращает на себя внимание следующее место: «Фарнака же, избавившего Италию от многих затруднений, он (Помпей) сделал другом и союзником римлян и дал ему царствовать над Боспором, кроме фанагорийцев, которых он сделал свободными и автономными». Характерно, что когда вскоре Фарнак захватил Фанагорию, он, «не причинив им (фанагорийцам) никакого вреда, но сделав друзьями и взяв заложников, удалился» (Mithr., 108). Хотя сам факт предоставления Помпеем автономии фанагорийцам, может, еще ни о чем не говорит, тем не менее сопоставление с действиями Фарнака приводит к следующему выводу. Фарнак не лишает город самостоятельности формальной, а связывает его союзным договором. Допустимо поэтому, что царь возвращается к традиционному способу управления городом. К сожалению, эпиграфические данные, касающиеся Фанагории, крайне скудны даже по сравнению с материалом, относящимся к Феодосии. К тому же материал весь относится к позднему времени. Это надписи КБН, 979 (рубеж нашей эры), КБН, 982 (130 г. н. э.), КБН, 983 (первая половина II в. н. э.). Все они являются почетными декретами от имени народа (КБН, 979, 983) и совета и народа (КБН, 982) агриппейцев. Надписи указывают на длительное сохранение полисной автономии, дарованной Помпеем и урезанной Фарнаком. Формальность ее отразилась в виде указаний на подчинение верховному правителю Боспора. Живучесть системы полисного самоуправления косвенно свидетельствует в пользу его существования в более раннюю эпоху. Едва ли Фанагория пользовалась подобным статусом непрерывно с момента присоединения к государству. Это вступило бы в противоречие с рассказом Аппиана. Однако моменты утраты автономии скорее всего были временными. Локализовать эти моменты во времени, к сожалению, невозможно.

При раскопках городища в 1959—1960 гг. в той его части, которая была обращена к степи, были обнаружены остатки крепостных укреплений, датируемые V в. до н. э. В IV в. до н. э. этих укреплений здесь уже нет, и лишь на рубеже III—II вв. до н. э. они сооружаются снова²¹. История стены может связываться с территориальным расширением Боспорского государства на Таманском полуострове. Приведем здесь соображения С. А. Жебелева. Полиен в рассказе о меотянке Тиргатао (Strat. VIII, 55) сообщает, что Сатир умер во время военных действий против Тиргатао. Это противоречит Ульпиану, из которого мы узнаем, что Сатир умер во время осады Феодосии (Sch. ad Demosth., Theod). Согласовать эти два сообщения можно, лишь приняв гипотезу, что

одновременно с экспансией на западе Спартокиды ведут войну за присоединение территории на Таманском полуострове²². Левкон I титулуется уже как царь всех меотов (КБН, 8). Одновременно с присоединением меотских территорий исчезает оборонительная стена Фанагории, защищающая город со стороны степи, населенной варварами. Следовательно, город уже входит в государство Спартокидов. Однако едва ли столь же твердо можно утверждать, что город подчинен уже Археанактидам, поскольку единственным для этого основанием служит упоминание Диодором (XII, 31, 1) Археанактидов в связи с Азией (κατὰ δὲ τῆν Ἀσίαν). Разбирая выраже-

ние κατὰ δὲ τῆν Ἀσίαν, С. А. Жебелев отметил, что выражение это слишком суммарно, чтобы понимать его в том смысле, что Археанактиды правили Фанагорией²³. Кроме того, Шкорпил показал, что это выражение Диодора может не содержать намека о владениях Археанактидов в Азии²⁴.

Монетная чеканка Фанагории довольно многочисленна, однако информативными для нас являются лишь некоторые монеты. Наиболее ранняя монета города издана Минизом. На ее аверсе изображен скальп льва, на реверсе — quadratum incisum, ФА²⁵. По аналогии с монетами Пантикапея монету можно датировать второй половиной VI в. до н. э. Выпуск этот является первым появлением Фанагории как полиса на исторической арене Северного Причерноморья. Затем наступает перерыв до конца первой четверти IV в. до н. э. Эта серия монет, на аверсе которых помещена безбородая голова в остроконечной шапке, а на реверсе — протома или голова быка, зерно, надписи ФАΝΑ или ФА²⁶. Типология монет этой серии резко отличается от синхронных Пантикапейских выпусков. Заимствована она непосредственно из Гераклеи Понтийской²⁷. Ориентация на Гераклею, может быть, оценена в условиях, связанных с борьбой Феодосии в союзе с гераклеяцами против Боспора. Фанагорийская чеканка этого времени имеет также политический характер и отражает сопротивление Фанагории политике Спартокидов²⁸. Сама же эта политика могла заключаться только в наступлении на полисные привилегии фанагорийцев, то есть на лишение города автономии, какой бы фиктивной или урезанной она ни была. К чему привело сопротивление фанагорийцев, судить трудно. Во всяком случае, выпуска середины IV в. до н. э., синхронного феодосийскому, нет.

Положение рассмотренных двух городов в государстве Спартокидов было несомненно различным. Если Феодосия входила в государство на основе объединения типа город — царская власть с какой-то долей независимости от этой вла-

сти, то Фанагория, включенная в состав государства, по-видимому, на той же основе, степень независимости имела явно меньшую. Государство Спартокидов, по крайней мере исходя из этих двух примеров, предстает как очень сложное по своей структуре государственное образование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., в частности: Дюков Ю. Л. О монетной чеканке Феодосии и Фанагории. — В сб.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 г. Л., 1968.
2. Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве. — ВДИ, 1953, № 4, с. 57, 59.
3. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 г. — СПб, 1855, с. 121—123.
4. Штерн Э. Феодосия и ее керамика. — Одесса, 1906.
5. Там же, с. 4—5.
6. Зеест И. Б. Раскопки в Феодосии. — КСИМК, 1, с. 146.
7. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. — М.-Л., 1963, с. 174, прим. 2; Колобова К. М. Ук. соч., с. 52.
8. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. — ВДИ, 1950, № 3, с. 171.
9. См.: Жебелев С. А. Ук. соч., с. 172, прим. 2.
10. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr. 1913, p. 577.
11. Detsch. Adv. Progr., 8.
12. Зограф А. Н. Античные монеты. — М., 1951, с. 162.
13. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. — М., 1956, с. 40.
14. Зограф А. Н. Ук. соч., с. 162.
15. Там же, с. 163.
16. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея..., с. 169.
17. Зограф А. Н. Ук. соч., с. 163; p. 559.
18. Шелов Д. Б. Монетное дело..., с. 16.
19. Шелов Д. Б. (Феодосия, Гераклея..., с. 173) видит в эпизоде с Мемноном у Поллена (Strat. V, 44, 1) описание событий середины IV в. до н. э.
20. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея..., с. 173.
21. Кобыляна М. М. Культура Фанагории до сарматского периода. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 86—87.
22. Жебелев С. А. Ук. соч., с. 170, прим. 2.
23. Там же, с. 72.
24. Шкорпиля В. В. Археонахиды. — ИТУАК, 1917, 54, с. 58.
25. Minns E. Op. cit., pl. IX, p. 11.
26. Зограф А. Н. Ук. соч., табл. XXXI, X, № 43—45.
27. Шелов Д. Б. Монетное дело..., с. 51.
28. Дюков Ю. Л. Ук. соч., с. 13.

**КУЛЬТ ДЕМЕТРЫ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ
В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.**

**(К вопросу о содержании обрядов
земледельческих богинь на Боспоре)**

(Институт истории АН СССР, Москва)

Среди ученых, занимавшихся вопросами религии населения Боспорского царства, не существует единого мнения о происхождении и значении ряда культов и в частности культа Деметры. М. И. Ростовцев, В. Д. Блаватский, А. П. Иванова и др. полагают, что земледельческая религия Боспора испытывала сильное воздействие местного варварского населения, и потому следует говорить о религиозном синкретизме эллинских культов¹. Применительно к культу Деметры синкретизм, по их мнению, выразился в соединении представлений о Верховном женском божестве природы скифо-кимерийского и сиindo-иотского населения царства и прилегающих к нему районов с эллинским культом элевсинских богинь, а также Афродиты Урании — Апатуры. При этом местный элемент чуть ли не превосходит греческие традиции в культе. Отсюда нередко даже воздерживаются применять конкретное имя божества к отдельным изображениям на терракотах, монетах, рельефах. Другая группа исследователей (А. А. Переловская, Т. В. Блаватская, П. Александреску) склонна считать боспорский культ женского божества производящих сил природы эллинским в своей основе². Не существует единства во мнениях и относительно ритуальной стороны культа Деметры, в частности, в трактовке отдельных памятников (комплекс терракот из погребения IV Большой Близицы, принадлежности погребения жреческому клану Деметры, терракот жертвенников, алтарей и т. д.). Не существует единства и в понимании идейно-мифологической сущности культа.

Имеющиеся свидетельства древних писателей и надписей, монет и археологии позволяют дополнить и уточнить выводы, относящиеся к культу элевсинских богинь на Боспоре. В нашу задачу входит попытаться раскрыть религиозное содержание ряда памятников, связанных с почитанием Деметры, выявить идейно-мифологическую основу культа, сущность обрядов и влияние местных религиозных представлений на характер эллинского культа.

Культе Деметры, покровительницы плодородия, земледелия,

хлебных злаков и посевов, был исконно греческим, восходящим еще к родовому строю (Herod., V, 61). Выступая первоначально в качестве культа родительницы общего для всех земледельческих родов, этот культ постепенно выливался в почитание сначала одной абстрактной богини (Ἰη Μήτηρ), а затем конкретной богини плодородия, которую называли в крито-микенскую эпоху Ereutija (εἰλεϋθίας, ср. Ελευσίη, Ελευσίνα) или Илифия. В минойской среде, где земледелие получило значительное развитие, возрастала роль автохтонного земледельческого культа, в основе которого лежало представление об умирающей и воскресающей природе³. Поэтому культ богини плодородия оформился как земледельческий задолго до появления элевсинских мистерий, ставших высшим выражением поклонения Деметре и ее дочери Коре-Персефоне. Гомер и Гесиод не упоминают о мистериях Деметры. Это дает повод думать, что в VIII — начале VII в. до н. э. их еще не существовало. Однако они уже знают Деметру как земледельческую богиню и даже как богиню хлебного поля (Hom. Od., V, 125). В (гомеровском) гимне Деметре (VII в. до н. э.) уже содержатся представления о счастливой загробной жизни, борьбе добра и зла, бессмертии, что вполне соответствует учению элевсинских мистов. Поэтому можно полагать, что земледельческий культ, основывающийся первоначально на представлениях об умирающей осенью и возрождающейся весной природе, зерне, брошенном в почву и давшем росток злака, был переосмыслен в течение VII в. до н. э. и воспринимался уже как земледельческо-хтонический, а богини Кора и Деметра стали пониматься как хтонические. Однако земледельческая сторона элевсинских мистерий всегда выступала главной в культе, а хронические и апотропейческие представления являлись производными⁴. Обряды богинь плодородия Фесмофории, Скирофории и др., совершавшиеся для умилостивления природы, должны были, подобно Элевсинским празднествам, содействовать хорошему урожаю и в своей основе имели земледельческий ритуал. Но господствовавшая в сознании Эллина идея о соприкосновении зерна с духом умершего и подземными силами, содействовавшими вызреванию, возводила богинь Фесмофорий Деметру и Кору-Персефону в ряд хтонических. Не случайно, что перед Фесмофориями пели гимны Деметре, Коре, Гермесу, Харитам и Плутону (Аиду) — владыке царства мертвых (Aristoph. Thesm., 292). Идея эта в конечном итоге привела к представлению о зерне, вызревавшем в почве, как вопло-

шению жизни и смерти человека, а также воскрешению и умиранию природы⁶.

Культе Деметры получил широкое распространение повсюду в эллинском мире. На территории Боспора, где земледелие было ведущим, почитание божеств плодородия имело большое значение. Деметра стала одним из главных божеств тотчас после расселения здесь греков в VI в. до н. э. Особое значение ее культ получил в классическую эпоху, когда производство и торговля хлебом стали важнейшими отраслями экономики царства. К памятникам культа Деметры эпохи арханки относятся терракотовые статуэтки стоящей или сидящей на троне богини, инвентарь святилищ (Нимфей, Майская гора), незначительные строительные остатки. Большую важность представляет комплекс арханческих терракот из Тиритаки, найденный в домашнем святилище⁶. В этом святилище найдены фигурка стоящей фронтально женщины с опущенными вниз руками, одетой в хитон и плащ, а также основание от керамического алтаря⁷. В. Ф. Гайдукевич датирует комплекс концом VI — началом V в. до н. э. и связывает его с культом женского божества плодородия, олицетворявшегося Деметрой, Афродитой, Кибелой и Артемидой⁸. Терракоты из тиритакского домашнего святилища приносились туда для умилостивления богинь и ставились на алтарь в определенные дни, когда происходила уборка урожая или засев полей. Это совпадает, очевидно, по времени и религиозному значению со справлявшимися в Аттике праздниками Фесмофорий и Скирофорий (1—13 Пнанепсиона — октябрь). Таким образом, находки в Тиритаке свидетельствуют о прямом влиянии земледельческой эллинской религии.

Какие же божества представлены в терракотах из тиритакского домашнего святилища? В основном это стоящая и сидящая женские фигуры, притом последняя повторяет восточный тип восседающей женской фигуры. Аналогичные статуэтки происходят из арханческого святилища Деметры в Нимфее⁹ и с. о. Кос.

Интересны статуэтки сидящей Деметры из Фанагории¹⁰ и терракота VI в. до н. э. из Мирмекия. Правая рука мирмекийской богини положена на колени, а левая держит какой-то предмет. Спереди на подставке имеется буква Δ, возможно, начальная буква имени Деметры или мастера Дифилоса¹¹. В Нимфее, в святилище Деметры, были найдены фигурки сидящей богини¹². В V в. до н. э. этот тип продолжает бытовать. Местные мастера изготавливают терракоты по привозным образцам из Милета и других городов Ионии¹³. Но качество их изготовления уступает прототипу: формы схематичные, контуры нечеткие, детали не выявлены. Таковы фигурки богинь конца VI — начала V в. до н. э. из Фанагории¹⁴.

Одни ученые трактуют их как изображения Деметры, Коры или Афродиты¹⁵, другие полагают, что это синкретический тип высшего женского божества, воплотившего черты местной и эллинской богинь плодородия¹⁶, а третьи считают сидящую богиню Деметрой¹⁷. Однако в раннюю эпоху статуэтки божества, не имевших атрибутов, могли представлять различных богинь (Деметру, Афродиту, Рею, Геру, Гею), так как каждая из них обладала чертами покровительницы земледелия и всего сущего. На Боспоре в VI в. до н. э. культ богини земледелия, как показали раскопки святилища Деметры в Нимфее, не всегда имел черты конкретного божества. Поэтому нам кажется вероятным, что в сидящей на троне богине в архаическую и раннеклассическую эпохи могли видеть богиню наиболее распространенного земледельческого культа. Рядом с сидящей богиней часто находят фигурки стоящей девушки. В таком случае обе фигурки трактуют как изображения Деметры и Коры. Стоящая девушка изображалась нередко с цветком в руке¹⁸ аллегорией мифа о Коре, которая в момент похищения Андом собирала на лугу цветы. Из Пантикапея происходит статуэтка стоящей Коры, изготовленная в Коринфе в VI в. до н. э. На голове ее калаф, поверх тонкого хитона гиматий, а в правой руке — венок¹⁹. Известны также статуэтки сидящих парных богинь²⁰. А в Пантикапее найдена терракотовая группа V—IV вв. до н. э. в виде трех богинь²¹, сидящих на троне. Это обобщенный

образ элевсинских богинь (τὴν Ὀβελίαν) Деметры и Коры-Персефоны, в честь которых совершались мистерии²². Старшая и молодая богини этой композиции воспроизводят, очевидно, образы Деметры и Коры. Культ Коры в VIII—начале VII вв. до н. э. был независим от культа богини подземного мира Персефоны. Ведь Гомер ничего не говорит о Коре, дочери Деметры, а сообщает лишь о страшной Персефоне²³, но уже в Гесиодовой «Теогонии» Персефона, дочь Деметры и Зевса, выступает в качестве земледельческой богини²⁴. Только с учреждением элевсинских мистерий Кора и Персефона стали широко почитаться в едином культе, о чем свидетельствует (гомеровский) гимн Деметре (Нотт. Нумп., 360—365). В нем говорится, что Кора-Персефона, супруга Анда, бога подземного мира, по решению Зевса на две трети года покидала царство мертвых и возвращалась к матери Деметре, но муж ее Анд «зернышко дал проглотить ей граната», чтобы его супруга не осталась среди людей (Нотт. Нумп., 372). Некоторые из сидящих богинь в VI—V вв. до н. э. изображались на статуэтках с плодом граната в руке и представляли, очевидно, Персефону. Таковы статуэтки из Мирмекия, Киммерика, Пантикапея²⁵. Следовательно, в композиции трех

богинь из Пантикапея в третьей богине, держащей плод граната, можно усмотреть Персефону. Помещение же ее рядом с Корой напоминает о том, что когда-то их культы разнились. В святилище Деметры в Нимфее и в одном погребении из Пантикапея²⁶ статуэтки сидящей богини найдены вместе с фигуркой возлежащего бога, вероятно, Аида или хтонического Диониса, так как на нимфейской статуэтке бог держит в руке ритон. В сцене загробной трапезы на погребальных рельефах и росписях умерший изображался в виде возлежащего Аида или Диониса²⁷. В таком случае в женской статуэтке, найденной вместе с фигуркой возлежащего бога, можно видеть Персефону, супругу властителя душ умерших. Известны самосские терракоты третьей четверти VI в. до н. э. — начала V в. до н. э., изображающие сидящих на троне Бога и Богиню. М. М. Кобылина склонна видеть в них божественную пару Зевса и Геру²⁸. Однако более справедливо мнение тех, кто считает их либо Плутоном (Аидом) и Корой, либо безымянными Богом и Богиней, игравшими важную роль в Элевсине и тесно связанными с Корой и Аидом²⁹. Их изображения встречаются на рельефах IV в. до н. э. из Элевсина, а местом почитания был храм Плутона. Если это предположение верно, то в сидящей богине опять возможно усмотреть Персефону.

Таким образом, боспорские терракоты, относящиеся к культу Деметры, доказывают земледельческо-хтоническую ипостась Деметры и Кору уже в VI — начале V в. до н. э. Отдельные терракоты эпохи архаики и ранней классики говорят также о пережитках доэлевсинского культа, когда Кора, дочь Деметры, и Персефона, супруга Аида, почитались раздельно. В ранних терракотах Боспора, изображавших Деметру и Кору, заложен глубокий сакральный смысл: земледельческие представления о добротном урожае переплетались с верой в защитительные функции богинь и идей о возрождении всего сущего (природы, души человека) после вынужденной смерти. К подобным выводам можно прийти и на основании изучения архаических протом богинь плодородия. В VI—V вв. до н. э. привозные и местные протомы встречаются повсеместно. Интересна привозная протома из Пантикапея, изображающая Деметру в stefane и покрывале, спадающем на плечи; фрагменты протом из Фанагории (VI в. до н. э.)³⁰, Нимфея³¹, Мирмекия и Тиритакы (V в. до н. э.)³². Разнообразие протом огромно. Только в Нимфее их найден 41 тип. Они находились в могилах, святилищах, жилых домах.

Для истолкования протом как исторического источника целесообразно разделить их на три группы: 1 — богиня с руками на груди, держащими плод, цветок или венок; 2 — бо-

гиня с руками у груди; 3—погрудные изображения богинь без рук с покрывалом на голове³³. Для арханческих протом конца VI—начала V в. до н. э. характерно погрудное изображение богини с расширяющимся сверху лицом, большими глазами и лбом в обрамлении стеганы или калафа. Большое их количество происходит из захоронения культового инвентаря святилища на Майской горе (Блевака), причем И. Д. Марченко выделяет 10 вариантов ранних протом³⁴. Считается, что эти протомы воспроизводят образы Афродиты, Артемиды, Геры, Деметры, Гекаты или Афины и свидетельствуют о слабой расчлененности функций женских божеств³⁵. Однако на Боспоре большинство протом связано с культом Деметры и Кору³⁶. Допуская, что отдельные протомы могут изображать другие женские божества, многие из которых входят, кстати, в круг элевсинских, предполагаем, что боспорские ранние протомы по большей части представляли Деметру или Кору-Персефону. В погребениях, в частности, на горе Митридат протомы находят вместе со статуэтками сидящей богини. А. А. Передольская считает, что протомы из могил изображают Персефону после ее возвращения на землю из подземного царства³⁷. Действительно, на некоторых протомах, как и на статуэтках сидящей богини, можно видеть в руке у богини плод граната, который указывает на ее хтонический характер и подтверждает, что это царяца подземного царства³⁸. Наличие протом Персефоны в могилах вместе с фигуркой сидящей богини ассоциировалось в погребальном культе с идеей бессмертия души умершего³⁹. В одной из арханческих могил Ольвии было обнаружено три протомы, одна из которых представляла Деметру, а другие — Кору-Персефону⁴⁰. Протомы повторяют сюжеты статуэток стоящих и сидящих богинь, которые мы трактовали как Деметру, Кору и Персефону: Достаточно вспомнить статуэтку трех сидящих богинь из Паитикапея (см. выше). Если это так, то ранние протомы, связанные с культом богинь плодородия, служат напоминанием о том, что Кора и Персефона выступали некогда в качестве независимых божеств, хотя и объединенных к VI в. до н. э. в один культ с Деметрой. Вот почему образы богинь на арханческих протомах еще неопределенны.

В классическую эпоху (V—IV в. до н. э.) образы богинь в протомах конкретизируются. В руках у них появляются различные атрибуты: птица, яйцо, цветок, венок, гранат, лань, яблоко. Из Феодосии происходит протома Деметры (V в. до н. э.) с башенной короной на голове, украшенной плодами. В левой руке богини яблоко⁴¹.

Протомы богини с цветком изображают Кору, которая в момент похищения ее Аидом собирала цветы на лугу⁴². Та-

ковы полуфигуры из Нимфея, Тиритаки, Пантикапея, Горгиппии⁴³. Встречаются протомы богини, держащей цветок и плод граната⁴⁴. Это синкретический образ Кору-Персефоны, которая после похищения Аидом стала его супругой и царицей подземного царства. В таких терракотах заложен глубокий смысл: идея похищения и возвращения Кору ассоциировалась с представлением о бессмертии. В IV в. до н. э. Кору-Персефона изображается в виде полуфигуры молодой девушки, как бы поднимающейся из земли, выражавшей радость, молодость, задор. Таковы фигурки из некрополя Мирмекния, кургана Большая Близница и фрагментированная статуэтка из Фанагории⁴⁵. Не случайно их помещение в могилы. Если справедлива точка зрения А. А. Передольской (см. выше), то эти полуфигуры выражают сакральный смысл таинств элевсинских мистерий. Все это говорит о том, что в терракотах запечатлены как бы основные сюжеты драмы, когда посвященным показывалось похищение Кору, а затем возвращение ее к матери, Деметре. Это являлось религиозным воплощением умирания и возрождения природы, а также связанной с этим идеи бессмертия души⁴⁶. В Северном Причерноморье не было и не могло быть мистерий, но идеи их были широко распространены и, вероятно, частично воплощались в обрядах.

Вторая группа протом: богиня с руками на груди — воспроизводит жест, подчеркивающий характерную особенность женщины, ассоциирующаяся в сознании древних с плодоносящим началом в природе. Это изображение Деметры. Такие протомы V в. до н. э. известны в Горгиппии, Тиритаке, Нимфее, Елизаветовском городище, а также в Беотии⁴⁷. Найдено много протом без рук, которые также представляют Деметру, на что указывают калаф и покрывало на голове. Наличие протом Деметры в погребениях и святилищах вместе с Корой должно означать радость матери при встрече с дочерью, вернувшейся из подземного царства Аида, когда все в природе оживает, наступает период веселья и счастья. Таковы протомы V в. до н. э. из святилища Деметры в Нимфее⁴⁸ и протома Деметры из погребения на г. Митридат⁴⁹. В таком случае протомы Деметры как с руками у груди, так и без рук дополняют собой протомы Кору-Персефоны и вместе с последними свидетельствуют о популярности элевсинских богинь в Боспорском царстве. Статуэтки V—IV вв. до н. э. более четко выражают земледельческо-хтоническую сторону культуры, чем терракоты VI—начала V в. до н. э.

А. А. Передольская считает, что в VI в. до н. э. на Боспоре существовал лишь культ хтонической Деметры, а богиней плодородия она становится только в IV в. до н. э.⁵⁰ Однако рассмотренные выше терракоты, особенно материал из ним-

фейского святилища, фрагменты масок, фигурки сидящих и стоящих богинь, протомы позволяют говорить, что на Боспоре вообще и в Нимфее, в частности, в VI—V вв. до н. э. был распространен земледельческо-хтонический культ Деметры с соответствующими обрядами, которые стоят вплотную к Элевсинским праздникам.

Найденные на месте обрядов у расселины, там, где впоследствии возникло святилище Деметры, формы для фигурок сидящей нагой женщины со скрещенными руками, воплощение плодоносящего начала в природе, и фигурки силенов и сатиров, олицетворявших мужское оплодотворяющее начало природы, подтверждают наш вывод. В V—IV вв. до н. э. усилилось почитание Деметры как земледельческо-хтонического божества в результате возросшей роли земледелия, в особенности хлебопашества в экономике царства. Об этом свидетельствуют находки из кургана Большая Близица, а также из святилищ в Нимфее, Тиритаке, Горгиппии, Фанагории. На примере отдельных находок можно судить о ритуальной стороне культа. В нимфейском святилище были найдены фрагменты культовой корзины, представляющей собой два обода, соединенные стеблями и закрепленные рельефными кружками, имитирующими шляпки гвоздей. По ее верхнему краю поднимаются пучки двоянных стеблей и между ними конусовидные бутомы и почки⁵¹. Среди находок в Керчи выделяются фигурки свиней VI—V вв. до н. э.⁵², статуэтка кабана IV в. до н. э. из Большой Близицы⁵³.

На росписях склепов рубежа нашей эры из Керчи также встречается изображение свиней⁵⁴. На рельефах из Греции и Северного Причерноморья (Анапа) мы также встречаем изображения животных (свинья, баран)⁵⁵. Какова же символика этих изображений и в чем ее значение?

В Греции и на Боспоре, как указывалось выше, справлялись праздники, связанные с почитанием Деметры и Коры как богинь производительных сил природы. Во время празд-

нования Фесмофорий и Скирофорий в яму (ματάρου) сбрасывали поросенка, фаллические хлебы и печенье, которые потом поднимали⁵⁶. Свинья как символ плодородия во время обряда должна была олицетворять Персефону⁵⁷. О подобном обряде упоминает Павсаний (Paus, IX, 3, 1), изображение его имеется на краснофигурном лекифе. На нем запечатлена жертвенная корзина с тремя выступами, которая предназначена для фаллообразных хлебцов, сбрасываемых вслед за поросенком в расселину⁵⁸. Интересна форма корзины с тремя выступами. В кургане Большая Близица (IV в. до н. э.), где погребальный инвентарь одной из могил, как убе-

дительно доказано А. А. Передольской, связан с культом Деметры, была найдена статуэтка «гетеры» на алтаре с сосудом-цистой между ног и фаллой в руке⁵⁹. Статуэтка изображала жрицу Деметры либо посвящаемую или посвященную в мистерии женщину⁶⁰. В этой цисте (калафе), по всей видимости, хранились священные предметы—фаллообразные хлебцы, печенье, шишки, которые женщина, подобно изображенной на декифе, бросит в расселину в качестве умиловствования богинь. Фалл, который «жрица» держит в руке, был, вероятно, тоже вынут из этой цисты (калафа-корзины).

Описанные выше предметы позволяют заключить, что в пределах Боспора уже с VI в. до н. э. могли совершаться обряды с теми же культовыми предметами, которые использовались в Греции во время женских праздников Скирофорий, Фесмофорий и др. Не могла ли быть эта корзина, поднесенная в святилище как вотив, воспроизведенным культовой корзины, играющей столь заметную роль в обрядах Скирофорий и Фесмофорий? А фигурки свиней и кабанов могли тогда выражать сакральный смысл обрядов этих праздников. На возможность обрядов, если не прямо повторяющих, то близких по значению Фесмофориям, указывает наличие глубокой расселины в Нимфее на месте построенного в середине VI в. до н. э. святилища Деметры и отправление там обрядов, которые могли совершаться и после постройки святилища. Ведь

в Аттике *Μαῦραρον*, близ которого совершались Фесмофории, находился рядом с Фесмофорием—храмом Деметры⁶¹. Сказанному не противоречит надпись времени Спартока III с посвящением Деметре Фесмофоре⁶². В 1958 г. во время раскопок на Майской горе (Блевака) близ Фанагории на небольшой площадке между двумя кратерами грязевых сопков было найдено свыше 800 обломков сосудов, протом, статуэток богинь Деметры, Кору, Артемиды⁶³. На этом месте существовало, вероятно, святилище Деметры, а до его постройки совершались обряды, как в Нимфее. Обряды, справлявшиеся у расселины в Нимфее и на Майской горе, могли по своему характеру быть женскими праздниками, подобными Фесмофориям и Скирофориям. А. А. Передольская, рассматривая статуэтки старух с разбитым у ног горшком, отмечала, что в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре могли существовать специфические земледельческие обряды приготовления «священной каши», бросания горшков в

расселины (*τὰ Μαῦραρον*) или скатывания их к алтарям божеств плодородия⁶⁴. Б. Л. Богаевский доказывает, что обряд «все-

зерния» (*πανσπερμία*) или приготовления бобовой каши (*πυλακ-*

φια) был связан с Фесмофориями⁶⁶. Обряды, совершавшиеся на Боспоре в эпоху арханки, в последующее время, очевидно, приняли более завершенную форму и конкретное выражение.

Дж. Фрэзер считает, что первоначально Деметру воспринимали в образе свиньи как воплощение божества хлеба. Но когда божество стало антропоморфным, то свинью стали рассматривать как врага божества хлеба и приносить в жертву⁶⁶. Бросание же свиней в пещеру должно было означать нисхождение Персефоны в подземный мир. Здесь, так же как и в разобранных выше сюжетах терракот, переплелись идеи, заложенные в мифе о похищении Кору: во-первых, возрождение зерна после соприкосновения с покойником, что отразилось в стремлении получить хороший урожай; во-вторых, блаженная жизнь души после смерти. Эти идеи лежат в основе Элевсийских мистерий и празднеств Фесмофорий, Скирофорий, Галой и др.

Таким образом, со времени появления греков в Северном Причерноморье культ богинь плодородия получил широкое распространение на Боспоре. Терракотовые фигурки, погребальные комплексы и рельефы, а также поздние росписи склепов позволяют говорить о чисто эллинской и без примесей местных религиозных представлений основе культа Великих богинь среди боспорских греков в VI — первой половине IV в. до н. э. При этом обрядовая сторона культа во многом повторяла обряды, существовавшие в метрополии. Отдельные находки заставляют предполагать, что на Боспоре справлялись празднества в честь Деметры и Кору, подобные Фесмофориям и Скирофориям в Аттике. Более того, с VI в. до н. э. Деметру и Кору-Персефону почитали на Боспоре под влиянием элевсинских мистерий. Поэтому Деметра и Кора-Персефона выступают здесь на протяжении VI—IV вв. до н. э. как исконно эллинские земледельческо-хтонические божества. Широкое распространение их культа связано с возросшей ролью земледелия и хлебной торговли на Боспоре в классическую эпоху. Большинство терракот в виде протом, сидящих и стоящих богинь, а также полуфигур девушек VI—IV вв. до н. э. представляет в основном Деметру и Кору-Персефону, а сюжеты их навеяны влиянием Элевсиний. Все это позволяет согласиться с теми, кто считает религиозные представления боспорских греков в эпоху арханки и классики лишенными черт местной религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 191, с. 124; он же. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 371; Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерно-

морья (IV в. до л. э.—III в. н. э.).—СА, 1964, № 4, с. 29—33; Иванова А. П. Местные мифы в декоративной скульптуре Боспора.—СА, 1961, XV, с. 198; Романовская М. А. Две терракоты из Новоотрадного.—СА, 1971, № 1, с. 162—163.

2. Передельская А. А. Терракоты из кургана Большая Блязница в гомеровский гимн Деметре.—ТГЭ, VII, Л., 1962, с. 46—92; она же. Художественно-историческое значение терракот из кургана Большая Блязница.—КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 69—72; Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 42, 43; Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tomb de la péninsule de Taman. Studii clasice, v. VIII, 1966, p. 75—86.

3. Nilsson M. P. The Minoan—Mycenaen Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1950, p. 360; Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до н. э. и его культура. М., 1976, с. 156.

4. Новосадский Н. И. (Элевские мистерии. СПб., 1887, с. 39) считал, что основа мистерии не была связана с сельскохозяйственными представлениями. Однако это мнение опровергается уже у Foucart P. Les Mysteries d'Ébusis. Paris, 1914, p. 93, 94; Roscher W. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Lpz., 1884—1890. Bd., 1, s. v. Ceres-Demeter; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1959, т. 1, с. 227—234.

5. Томсон Дж. Ук. соч., с. 228; Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Пг., 1916, с. 116, 189; Graves R. Les Mythes Grecs. Paris, 1967, p. 81—83.

6. САИ. Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970, т. 35; с. 1—5; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.—МИА, № 25, М.-Л., 1952, с. 77—86.

7. Гайдукевич В. Ф. Ук. соч., с. 83—85; Пругло В. И. Терракоты из Тиритаки.—САИ, с. 90.

8. Гайдукевич В. Ф. Ук. соч., с. 86; он же. Боспорское царство. М.-Л., 1949, с. 38.

9. Худяк М. М. Нимфейская экспедиция 1939 г. ТОАМГЭ, т. 1. Л., 1945, с. 158, 161; он же. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 45, табл. 42, 2; он же. Раскопки святилища в Нимфее.—СА, 1952, XVI, табл. 16, 1; Скуднова В. М. Терракоты из Нимфея.—САИ, с. 85, табл. 28, 6.

10. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 30; САИ, т. IV, с. 20, т. 17, с. 1—3.

11. Наливкина М. А. Терракоты Мирмексия и Тиритаки.—МИА, № 25, М.-Л., 1952, с. 330, рис. 2.

12. Худяк М. М. Из истории Нимфея, с. 45, табл. 410; Скуднова В. М. Терракоты из Нимфея, с. 85, табл. 28, 2, 9.

13. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории.—САИ, ч. IV. Придос и Таманский полуостров. М., 1974, с. 23, табл. 17, 1—3.

14. Кобылина М. М. Фанагория.—МИА, № 57, 1956, с. 16.

15. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки, с. 86; Наливкина М. А. Ук. соч., с. 331.

16. Круглякова И. Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.—В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 110 сл.; она же. Религиозные представления..., с. 6.

17. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья, с. 9; Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979, с. 37, 38; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 29; Дремсизова-Нельчинова Ц., Тончева Т. Античные терракоты от Болгарии. София, 1971, с. 23.

18. Скудная В. М. Терракоты из Нимфея, с. 83, 84.
19. Силагтьева П. Ф. Терракоты Пантикапея. — САИ, ч. III, М., 1974, с. 7, т. 31.
20. Haggins R. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum, L., 1954, p. 1, 17. Аполлония. Разкопките в Некропола на Аполлония пред 1947—1949, с. 277, № 803, табл. 138.
21. САИ, ч. III. Пантикапея, т. 5, 2.
22. Латышев В. В. Очерк греческих древностей, ч. 2. СПб., 1889, с. 216; Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. ПТр, 1918, с. 106—107; Foucart P. Op. cit., p. 94; Seyfert O. A Dictionary of Classical Antiquity. Oxf., p. 200.
23. Homer. Od. XI, 213; 217; 635; Ib. IX, 457, 570.
24. Hesiod. Theog. 912—914.
25. Наливкина М. А. Ук. соч., с. 330; Кругликова И. Т. Статуэтки из Киммерика.—САИ, ч. I, с. 83, с. 271а; 16; Силагтьева П. Ф. Терракоты Пантикапея, с. 8.
26. Силагтьева П. Ф. Ук. соч., с. 7; Худяк М. М. Из истории Нимфея, с. 46, табл. 40, 3; Скудная В. М. Терракоты из Нимфея. — САИ, ч. I, с. 84—85, табл. 28, 1—2.
27. Furtwangler A. La Collection Saboureff. Berlin, 1883—1887, I, tab., XXX, ff.; Gardner P. A. A Sepulchral Relief from Tarentum. JHS, 1884, N. V, p. 132 ff.
28. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории, с. 41, т. V, 3; ср. близкую группу с о. Березань (САИ, ч. I, табл. 9, 5), но на голове мужчины ялос.
29. Vuchog E. Altsamische Stabilder. Berlin. 1934, Bd. III, s. 48.
30. Кобылина М. М. Ук. соч., с. 35.
31. САИ, ч. II, табл. 29, табл. 30, 31.
32. Наливкина М. А. Ук. соч., с. 327—347.
33. Скудная В. М. Терракоты из Нимфея, с. 83. В. М. Скудная выделяет четвертую группу протом из святилища Деметры — богини, изображенной на фоне поднятого над головой плаща. Но этот тип не характерен.
34. Марченко И. Д. Новые данные об эгипетском святилище вблизи Фанагории. — В сб.: 50 лет ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1962, с. 124.
35. Там же, с. 128; Марченко И. Д. О культе Афродиты на Тамани. — ИКАМ. М., 1977, с. 122.
36. Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. — МИА, 1941, № 4, с. 29, 30; Книпович Т. М., Славин Л. Н. Раскопки юго-западной части Тиритаки. — МИА, 1941, № 4, с. 44; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья, с. 9, 13.
37. Передольская А. А. Терракоты из Кургана Б. Визинца, с. 54.
38. См. выше.
39. Передольская А. А. Ук. соч., с. 54, 55. Фигуру сидящей богини из погребенной А. А. Передольская трактует как Деметру, ожидающую Кору. Однако в ней, скорее, можно усмотреть Персефону, сунуру Кору, до появления на земле, а протом или полуфигура богиня изображает Кору, возвратившуюся из подземного царства. Это отражало идею бессмертия природы и человека.
40. ОАК за 1911 г. СПб., 1914, с. 1—25; Русяева А. С. Ук. соч., с. 41.
41. САИ, ч. II, с. 79, табл. 21.
42. Homer. Nymn. Dorn. 5—15.
43. САИ, ч. II, с. 83, табл. 30, 6; 36, 4; ч. III, табл. 7, 2; Цветаева Г. А.

- Новые данные об античном святилище в Горийджии. — ВДИ, 1968, № 1, с. 142, рис. 4.
44. Силантьева П. Ф. Ук. соч., с. 8, № 2, табл. 7, 2.
45. САИ, ч. IV, табл. 23, 2, табл. 43, 2 (ср. Передольская А. А. Терракоты..., с. 58, рис. 1); Капошина С. И. Некрополь в районе пос. им. Войнов, близ Керчи. — МИА. № 69, М.-Л., 1959, с. 132, рис. 33.
46. Foucart P. Op. cit., p. 80; Kern O. Fleusinische Beiträge. Halle, 1909, s. 8—9.
47. Mollard-Besques S. Les Terres Cuites Grecques. Paris, 1963, pl. XII, 1.
48. САИ, ч. II, табл. 29, 1—3.
49. Передольская А. А. Терракоты..., с. 52, рис. 4.
50. Там же, с. 53—54; Передольская А. А. Художественно-историческое значение терракот..., с. 70.
51. Худяк М. М. Из истории Нимфея, с. 46, табл. 41, 2.
52. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикалея и Фанагории, с. 35, табл. III, 1; Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикалея. — САИ, ч. III, табл. 4, 6 — 7. Ср. аналогичные фигурки из Херсонеса (II в. до н. э.) и Ольвии (VI—V вв. до н. э.) — См.: САИ, ч. II, табл. 18, 5; ч. I, табл. 15, 8, 28, 10. Ср.: также фигурку женщины со свиньей на руках (Winter Fr. Die Typender Figurlichen Terracotten. Berlin—Stuttgart, 1903, Bd., 1, taf. 92—4—5).
53. Грач Н. Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница. — САИ, ч. III, с. 38, табл. 43, 8; Передольская А. А. Терракоты..., с. 56, рис. 5.
54. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. — СПб., 1914, т. XXXIX, XIII.
55. Кругликова И. Т. Мраморный рельеф из Анапы. — СА, 1962, № 1, с. 282—289.
56. Deubner L. Attische Feste. В., 1956, p. 44; Nilsson M. P. Griechische Feste. Lpz., 1906, s. 456.
57. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Вып. III. М., 1928, с. 183.
58. Deubner L. Op. cit., taf. 2.
59. Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток. — СА, XIII, 1950, с. 267, рис. 5.
60. Там же, с. 271.
61. Deubner L. Op. cit., s. 44.
62. ИРЕ, ПЗ, № 13-КБН № 18 (Пантикалей).
63. Марченко И. Д. К вопросу о культах азиатского Босфора. — ВДИ, 1960, № 2, с. 101. Высказывалось мнение, что это святилище женского божества, наделенного чертами Афродиты, Деметры, Артемиды (Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. — КСИИ, 1963, вып. 95, с. 86; она же. Новые данные..., с. 132) или одно из святилищ Апатур (Марченко И. Д. О культе Афродиты на Тамани, с. 126).
64. Передольская А. А. Об отражении обряда «Всезервия» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье. — МИА, № 33, с. 114—122.
65. Богаевский В. Л. Ук. соч., с. 194.
66. Фрэзер Дж. Ук. соч., с. 183, 184.

ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТЫ В РИМСКОЙ БРИТАНИИ

(Горьковский госуниверситет)

В 60—70-е годы XX в. стали появляться работы английских историков, посвященные вопросам религии и культуры римской Британии. Их авторы рассматривают восточные культы как свидетельство и доказательство романизации провинции, а Дж. Тойнби даже определяет уровень развития культуры народа исключительно степенью греческого и восточного влияния¹.

Большинство современных исследований написано на добротном фактическом материале, полученном на основании новейших данных археологии, эпиграфики и нумизматики. Таковы и общие обзоры истории римской Британии, где почти всегда есть раздел, посвященный культуре и религии этой провинции²; таковы и специальные исследования более узких вопросов, например, капитальный труд по истории города римской Британии Дж. Уошера³ или не менее солидная работа Гр. Вебстера по истории римской императорской армии⁴.

Однако современная английская историография фактически отказалась от попыток выяснить характер римского влияния на идеологическую жизнь местного населения. Характерно заявление Е. и Дж. Харрис, авторов единственной работы, посвященной восточным культам римской Британии, которые пишут, что их целью было только собрать воедино весь известный материал, не вступая в дискуссии о культах как таковых⁵. Добавим, что этот труд написан на ограниченном эпиграфическом материале (авторам еще не знаком корпус римских надписей Британии, вышедший в 1965 г.), и они так стремятся не делать никаких обобщений, что не дают даже естественно вытекающего вывода о степени распространения восточных культов в римской Британии.

Для советской историографии характерен принципиально иной подход к проблемам религии и идеологии в целом. В советской литературе нет специальных исследований этой темы, но в трудах Е. С. Голубцовой и Ю. К. Колосовской указывалось на важность решения подобных вопросов⁶. Особенно большой интерес вызывают работы Е. М. Штаерман, чей вклад в исследование западных провинций общеизвестен. Еще двадцать лет назад она высказала убеждение, что дептам восточных культов, т. е. «ориентализированными» были не низы, а высшие и среднезажиточные слои населения⁷.

И хотя автор использовал старый эпиграфический материал Британии (С. I. L. v. VII), да и вообще этой провинции было уделено сравнительно мало внимания, все же многие замечания и выводы Е. М. Штаерман не потеряли значения и сегодня.

Большинство восточных культов, известных в других частях Империи, обнаружено в Британии, где они были частью религиозной жизни романо-британского общества.

Эпиграфический материал здесь сравнительно небогат, но все же обнаружено 45 votivных надписей на камне, которые свидетельствуют о распространении восточных культов в этой провинции⁸. Из них наибольшее количество посвящений сделано Митре (17) и Юпитеру Долихенскому (16), остальные божества упоминаются один-два раза.

Разумеется, не менее важным источником являются данные археологии, которые доступны нам лишь в изложении современных английских исследователей. Однако в 1976 г. вышел в свет капитальный труд М. Грин «Корпус религиозных материалов из гражданских районов римской Британии»⁹. Здесь превалирует археологический материал, хотя приводятся ссылки на корпус римских надписей Британии—RIB. Локально исследование ограничено центральными и южными, так называемыми гражданскими районами провинции, но в разделе, посвященном восточным культам, автор рассматривает свидетельства о культах из северной «пограничной» зоны. М. Грин приходит к выводу, совсем не новому, о романизации в области идеологий, причиной которой было распространение иноземных, в частности, восточных культов, хотя и признает, что в «гражданских» районах Британии восточные культы не играли существенной роли.

До середины XX века археологические доказательства распространения культа Митры в Британии ограничивались отдельными находками.

Однако археологические раскопки в Хаузестидсе (1922 г.) Карраубурге (1950 г.), Радчестере (1953 г.), Лондоне (1953—1954 гг.) и Кернарвоне (1959 г.) дали возможность говорить о существовании в Британии по крайней мере пяти митреумов. Кроме того, предполагают функционирование митреумов еще в ряде городов: Деве (Честер), Веруламин (Сент-Альбанс), на территории Сильчестера, в Камулодуне (Колчестер), Эбораке (Йорк)¹⁰. Святилища Митры обнаруживаются главным образом в военных районах, на территории фортов, пограничных селений, так как Митра особенно популярен был в армии и среди семей ветеранов. В городах Британии митранческих находок гораздо меньше. Пока можно говорить о четырех военных митреумах (на валу Адриана и в Уэльсе)

и одним гражданском — в Лондоне. Выделение Лондонского митреума в отдельную группу правомерно, так как он значительно отличается от остальных. Митреум был открыт В. Гримзом в 1953—1954 гг.¹¹, но еще в 1899 г. находка митранческого рельефа указывала на возможность существования подобного святилища в этом районе¹².

Из всех известных британских святилищ Митры это, очевидно, самое раннее и наиболее богатое. Время основания храма определяется приблизительно — последняя треть II в. н. э.¹³. Здание храма претерпело три перестройки, однако митреум продолжал существовать и во второй половине IV в. н. э.¹⁴, следовательно, митранческие общины продолжали активно действовать в Британии после утверждения христианства в Империи.

Размеры храма относительно невелики: 18,3 м в длину и 17,6 м в ширину, стены сложены из кентского известняка. Митреум украшен прекрасными скульптурами, привезенными из Италии. Наиболее важная находка — уже упомянутый небольшой (42,5×50 см) вотивный рельеф: Митра, убивающий быка¹⁵. Медальон обрамлен знаками Зодиака, а по углам расположены бюсты богов ветра и колесницы Солнца и Луны¹⁶. Эта скульптурная группа с надписью «Даруй жизнь странствующим» (RIB, 1) вырезана из итальянского мрамора. Рельеф пожертвовал Ульпий Сильван, ветеран II легиона Августа, родом из Араузия (Оранж) (RIB, 3). Из археологических открытий 1953—1954 гг. наиболее интересны две скульптурные головы Митры и Минервы, выполненные по классическим образцам. Митра представлен прекрасным юношей с длинными волнистыми волосами, в характерном фригийском колпаке. Изделие несомненно итальянского производства¹⁷. Кроме того, найдены: голова Сераписа, фигура Меркурия, скульптурная группа Вахх со своими спутниками и гигантская рука¹⁸. Всем этим божествам, связанным общей темой, поклонялись митрансты. Находки датируются серединой или концом II в. н. э.¹⁹.

Нельзя умолчать еще об одной находке из Лондонского митреума: серебряном сосуде с фильтром, описанном Дж. Тойнби²⁰. Стены и крышка сосуда покрыты фигурным орнаментом, изображающим сцены охоты, которые, вероятно, имели символический смысл, так как Митра часто изображался в виде охотника. Дж. Тойнби датирует сосуд концом III—началом IV в.²¹.

В целом картина раскопок митреума говорит о богатстве и процветании почитателей Митры в Лондинии, стремившихся оборудовать свой храм по типу лучших образцов.

В начале IV в. некоторые из наиболее важных культовых предметов были закопаны, храм разрушен. Скульптура уже

не была вновь открыта, а храм в конце IV в. был восстановлен в меньших размерах²².

Митранизм находил наибольшее число почитателей, помимо военных кругов, среди населения крупных портовых городов и торговых центров²³. Лондоний был самым крупным торговым городом Британии, население его было пестрым в этническом отношении, и храм Митры отражает именно этот аспект жизни римского Лондона²⁴. Это был гражданский митреум, но его посещали ветераны римских легионов, постоянно проживающие в Лондонии, где никогда (за исключением экстремальной ситуации — восстания Боудикки) не размещались римские воинские соединения.

Фрагмент кувшина с посвящением Митре из Веруламия, статуя Аримана в Кервенте²⁵, посвящение Ариману на статуе, изображавшей крылатое божество в Эбораке (RIB, 641), — все это свидетельствует о популярности этого культа в других городах римской Британии, но об этнической принадлежности, социальном положении, профессии гражданских митранстов практически ничего неизвестно. Кроме того, надо иметь в виду, что все названные города возникли как римские военные укрепления, где длительное время дислоцировалась римская армия и дедикантами могли быть войны или члены их семей.

Основным носителем этого культа была римская армия, поэтому понятна концентрация культовых объектов в пограничных фортах, главным образом на валу Адриана. Значительно отличаясь от лондонского, эти простые, небогатые храмы очень похожи один на другой. Наиболее тщательно изучен митреум в Карраубурге, на валу Адриана. Первоначальная конструкция датируется 197 годом²⁶ или началом III века²⁷. Это один из самых маленьких храмов, он мог вместить не более 10—12 человек. Храм четыре раза перестраивался и окончательно перестал существовать в 324 г., когда здание было осквернено и завалено мусором. Все скульптуры были разбиты, но уцелели три алтаря с надписями (RIB, 1544, 1545, 1546). Они были поставлены в разное время префектами Первой когорты батавов, которая составляла ядро гарнизона в Карраубурге с конца II до середины III в.²⁸ Наиболее ранняя надпись (1545) датируется 198—211 гг. Дедикант — Авл Клуенций Хабит. Второй алтарь датируется 212—222 гг., так как упомянутая там когорта уже носит отчетливое имя «Антониниана». В это время храм был значительно расширен. Третий алтарь (1546) поставлен Марком Симплицием Симплексом. Он отличается хорошо сохранившимся митранческим рельефом.

Такого же типа митреум в Радчестере, также на валу Адриана, открытый в 1953 г. Он был построен в начале III в.²⁹

так же как и храм в Карраубурге, он перестраивался в конце III в. и окончательно перестал существовать в начале IV в.³⁰. Алтарь Митре в Радчестере воздвигнут префектом Публием Элием Титуллом, который командовал Первой когортой фризов (RIB, 1395). Другой алтарь интересен посвящением не только Митре, но также Солнцу и Аполлону (RIB, 1397). Очевидно, что дедиканты принадлежали к Первой когорте фризов, так как надписи Радчестера не дают нам сведений ни о каких других воинских соединениях на территории этого форта.

Третий военный митреум на валу Адриана раскопан на территории Хаузестидса. Основан он был в первой половине III в., сожжен в 296 г.³¹. В центральном помещении святилища между двух алтарей стоял рельеф, изображающий рождение Митры. Этот рельеф Дж. Тойнби считает единственным в своем роде, так как он показывает не общепринятый вариант, а рождение бога из яйца³². Вероятно, дедикант был человеком с развитыми религиозно-философскими представлениями. Это обстоятельство косвенно свидетельствует, что адептами Митры были представители образованных кругов и, следовательно, высших слоев общества.

Из шести инскрибированных алтарей Хаузестидса три посвящено Митре (RIB, 1599, 1600, 1601). Лишь один можно датировать 252 годом. Особенно интересен алтарь, поставленный неким Херионом (1601). Это единственный дедикант Митры в Британии, не связанный с военными кругами. Кроме того, судя по имени, это выходец из восточных провинций, что также нетипично для британского митраизма.

Последний из военных митреумов обнаружен в 1958—1959 годах в Кернавоне. Этот храм, основанный во II в., разделил судьбу карраубургского и погиб в огне в 350 г.³³. Храм был сравнительно беден. Из четырех маленьких алтарей только один имел надпись, но она очень плохо сохранилась³⁴.

Таким образом, все четыре военных митреума были преднамеренно уничтожены. Уничтожение угрожало, как мы видели, и лондонскому митреуму. Вероятно, эти систематические разрушения митреумов можно считать действиями христиан.

Другие свидетельства о распространении культа Митры в военной зоне единичны, но дают сведения об этнической принадлежности дедикантов. Так, три алтаря из Каствлстидса (вал Адриана) поставлены, предположительно, префектами Второй когорты тунгров (RIB, 1992, 1993, 1994), которая дислоцировалась на территории форта в течение III века³⁵. Следует отметить форт Хай Рочестер, лежащий за линией вала Адриана, — самая северная точка, где отмечается митраизм. Здесь была найдена большая плита с надписью от

имени Луция Целля Оптата, трибуна Первой когорты вардулов и других «приверженцев» этого культа (RIB, 1272). Из текста можно заключить о существовании в Хай Рочестере митраической общины.

Таким образом, можно заключить, что митранизм в Британии имел некоторые особенности. Прежде всего, он появился здесь позже, чем в других провинциях. Часто военные (судя по данным эпиграфики) становилось митраистами в других провинциях (Галлия), а потом уже приносили этот культ в Британию.

Кроме того, о позднем появлении митраизма в Британии говорит тот факт, что на территории вала Антонина его следов вообще нет. Большинство посвящений относится к концу II—первой половине III в. Это время наивысшего расцвета культа в Британии.

Из семнадцати посвящений Митре семь сделано префектами, одно — трибуном, одно — эмеритом, одно — консульским бенефициарием, одно — вексилацией VI легиона, прочие — лицами неизвестного статуса (RIB, 332, 641, 1032, 1137, 1272, 1395—97, 1544—45, 1599—1601, 1992—94). Таким образом, основную массу почитателей Митры составляли представители командного состава римской армии. Рядовые воины почти не принимали участия в поклонении Митре, очевидно, подобная религиозная система не находила поддержки в армейских низах; представители командования, наоборот, стремятся подчеркнуть свою приверженность к культу, поощряемым правительством. Известно, что ни один из военных митреумов Британии не был велик и, следовательно, не имел большого числа приверженцев³⁶.

Обращает на себя внимание этнический состав военных дедикантов — девять надписей оставлено германцами, две — воинами II легиона Августа, одна — отрядом VI легиона и лишь одна — явным выходцем из восточных провинций³⁷. Лишь одно посвящение Митре оставлено, как предполагают, рабом или вольноотпущенником восточного происхождения, Херионом (1601). Этот факт еще раз подтверждает мысль Е. М. Штаерман о преобладании среди почитателей Митры представителей правящих кругов³⁸.

Второе место среди восточных культов римской Британии занимает культ Юпитера Долихенского. Так же как и митранизм, он был особенно популярен в армии и концентрировался на севере Британии, в пограничных районах. В Британии этот культ начал распространяться с середины II в. Из шестнадцати посвящений этому божееству девять оставлено военными, в том числе семь — представителями командного состава армии: легатом, трибуном, префектом, четырьмя центурионами (RIB, 320, 916, 1022, 1131, 1220, 1330, 1725).

Этнический состав почитателей Юпитера Долихенского неоднороден: встречаются посвящения от галлов, германцев, даков, людей римско-италийского и восточного происхождения. Так, алтарь в Корбридже поставлен выходцем из восточных провинций, Гаем Юлнем Аполинарием (1131). Посвящение сделано «Юпитеру Вечному Долихенскому. Непорочной Бригантии и Салюс», что свидетельствует о стремлении дедиканта отдать дань уважения и местному божеству — Бригантии.

Известно также несколько находок, свидетельствующих о распространении этого культа в гражданских районах Британии. Центр поклонения Юпитеру Долихенскому был, вероятно, в Корбридже. Там, кроме алтаря, были найдены многочисленные отливки и черепки с изображением бога. Рядом были кузницы и мастерские: Юпитера Долихенского почитали не только в качестве небесного божества, но и покровителя всех работ, связанных с изготовлением железных изделий³⁹.

Интерес представляют посвящения, сделанные женщиной: Магунной, вероятно, галльского происхождения, и дочерью Сабина, имя которой не сохранилось, но на ее восточное происхождение указывает надпись, оставленная там же самим Сабинном, членом Первой когорты хамиев, поставившим алтарь богине Хамми в Керворане (RIB, 2099, 1726, 1780).

Поклонение богиням Сирии было ограничено представителями восточных вспомогательных войск (RIB, 726, 1792, 1806). В городах Британии эти культы не встречаются, находка в Лондонском митреуме скульптурного изображения Атаргатис пока является исключением⁴⁰.

С финикийскими культами Геракла Тирского и Астарты связаны два своеобразных алтаря из Корбриджа, внешне очень похожих. Надписи в обоих случаях сделаны греческим гексаметром. Нет сомнения в том, что эти алтари из одного святилища, причем гражданского, так как один из них поставлен Диодорой, главной жрицей этого святилища, а другой — одним из его служителей, Пульхром. Судя по именам дедикантов и по языку надписей, посвятителем была родом из Греции или из греческого Востока (RIB, 1129, 1124). Можно думать, что в Корбридже был значителен элемент выходцев с Востока, вероятно, торговцев, таких, как Пальмирен Барат (RIB, 1065). Местные жители, как правило, восточным культам не поклонялись. Исключение составляет жена Барата, Регина, родом из племени катувелланов и, так же как ее муж, почитавшая Геракла, Астарту, Великую мать богов⁴¹.

Таким образом, все сирийские культы в Британии, за ис-

ключением Юпитера Долихенского, были связаны с определенной прослойкой населения восточного происхождения, как гражданского, так и военного.

Популярности малоазийского культа Кибелы и Аттиса способствовала роль Кибелы в качестве Великой матери богов, Матери всего живущего на земле. В такой интерпретации этот культ имеет аналогии в традиционных кельтских верованиях. На территории Британии не обнаружено ни одного храма Кибелы, но есть косвенные доказательства возможности существования храма Кибелы в Корбридже, где был найден алтарь Великой матери богов (RIB, 1135). В целом эпиграфические данные по этому вопросу уступают археологическим. В городах Британии было обнаружено около 35 находок, относящихся к этому культу⁴². Большинство из них найдены в Лондоне. К ним относятся различные статуи, бюсты и статуэтки Кибелы и Аттиса, мозаичное изображение богини, ритуальная пара бронзовых щипцов, декорированная головами фригийских божеств; глиняные и каменные сосновые шишки, связанные с мифом о смерти Аттиса под сосной, и другие находки⁴³. Такое количество однокультовых предметов вряд ли может быть простым совпадением. Очевидно, на территории Лондона, как и в Корбридже, существовал храм Великой матери богов. Остальные свидетельства культа Кибелы найдены как в гражданских, так и в военных районах Британии: Честере (Дева), Йорке (Эборак), Глочестере (Глев) и даже на территории сельских вилл⁴⁴.

В отличие от таких римских провинций, как Галлия, Паннония, в Британии египетский пантеон представлен скупой и невыразительной. Однако наличие серапеума в Эбораке подтверждается надписью на плите, найденной в 1770 г. (RIB, 658). Здесь Клавдий Иеронимиян, легат VI Победоносного, Благочестивого, Верного легиона сообщает, что он «от самого основания построил храм святому богу Серапису». Комментаторы корпуса римских надписей Британии Р. Коллингвуд и Р. Райт полагают, что именно этот Клавдий Иеронимиян был правителем Каппадокии в конце II—начале III вв. Основание храма Сераписа в Эбораке, несомненно, связано с правлением императора Септимия Севера, который, как известно, ассоциировал себя с Сераписом и поклонялся ему. Подобный выбор божества для почитания не может быть случайным, так как Септимий Север, африканец по происхождению, чтит бога, соединившего в себе черты важнейших божеств египтян и греков: Осириса, Аписа, Зевса. Кроме того, последние три года своей жизни Септимий Север провел в Британии и умер в 211 г. в Эбораке. Связь серапеума в Эбораке с пребыванием Севера в Британии несомненна.

Существование святилища Сераписа в Киркби Тор удостоверяется небольшим алтарем, который интересен посвящением Юпитеру Серапису (пример отождествления Сераписа с Юпитером) (RIB, 762). Изображения Сераписа в Британии представлены двумя скульптурами: головами бога из Сильчестера и Лондонского митреума⁴⁶. Однако эти находки, как и все единичные свидетельства, необходимо интерпретировать очень осторожно, их нельзя связывать с существованием в этих местах серапеумов.

Кроме Эборака, египетские культы были сконцентрированы главным образом в Лондини. Именно здесь предполагают наличие исеума, хотя единственным тому доказательством служит надпись на глиняном кувшине, найденном на южном берегу Темзы, в районе Лондонского моста⁴⁶: Londini ad fapim Isidis⁴⁷. Возможно, что это кувшин из таверны, находившейся рядом с храмом. Судя по форме, его датируют третьей четвертью I в. н. э.⁴⁸. Эта дата совпадает со временем утверждения торгового населения в Лондини, расцвета города, оправившегося после восстания Боудикки в 60 г. н. э. Местоположение храма точно не известно. Однако отдельные находки, в частности, железные ритуальные трещотки, костяная заколка с изображением Исиды и другие указывают на то, что храм находился где-то в районе современной Мургейт-стрит⁴⁹. В Лондоне же были обнаружены бронзовый бюст Исиды, изображающий богиню в головном уборе в виде лотоса, и терракотовая статуэтка ее сына Гора в виде греко-римского Купидона с крыльями, в венке из фруктов⁵⁰. Но в Британии есть и другие изображения Гора — в качестве императора, в военном платье, с шаром в левой руке (II — III вв.)⁵¹.

В Британии известны изображения других египетских божеств — Анубиса, Аписа, Осириса, Юпитера-Амона⁵². Однако они не сопровождаются ни посвящениями, ни какими-нибудь другими надписями.

Проблема идентификации восточных культов довольно трудна, часто невозможно определять точно, какому божеству поставлен алтарь. Например, алтарь из Кента, на всех четырех сторонах которого повторяется фигура быка. В 18 веке находили, что этот алтарь посвящен Апису, хотя не исключена возможность, что это алтарь Митры⁵³. Амулеты и геммы, дайдевные в Британии, также имеют отношение к египетским культам, тем не менее возможно, что они были только предметами украшения⁵⁴.

Подводя итоги рассмотрению восточных культов в римской Британии, можно заключить, что основными адептами этих культов были представители римской армии. Однако мы не можем согласиться с А. Росс, полагающей, что восточные

культы непременно следует рассматривать как родные культы провинциалов, служивших в римской армии⁵⁶. Анализ этнического состава дедикантов показывает, что в числе военных почитателей восточных культов значительную часть составляли германцы, что, на наш взгляд, объясняется тем, что в римской армии, дислоцированной на территории Британии, особенно в составе *auxilia*, преобладал германский элемент. Что же касается гражданского населения римской Британии, то для него восточные культы действительно были, вероятно, родными. Однако, как мы видели, установить этническую принадлежность гражданских адептов восточных культов практически невозможно. Мы можем лишь предположить, что дедикантами здесь выступают представители римской администрации, торговцы, ветераны и члены их семей. Хотя не вызывает сомнения, что среди жителей британских городов численно преобладало местное население — бритты, надписи, составленные горожанами местного происхождения, составляют незначительный процент от общего числа эпиграфических свидетельств Британии. Естественно, можно предположить, что население городов было наиболее романизированной частью британского населения. Однако надо учитывать, что городская жизнь в Британии была развита сравнительно слабо, города были немногочисленны, в подавляющем большинстве в них проживали ветераны римских легионов, члены их семей, которые наряду с римской администрацией составляли привилегированную прослойку городского населения. В сущности, нам достоверно известна лишь одна надпись, оставленная представительницей племени катувелланов, Региной, почитавшей восточные божества, но и та была женой выходца с Востока, Пальмирона Барата (RIB, 1065). Лишь одна надпись свидетельствует о том, что и в Британии были адепты восточных культов из числа рабов или вольноотпущенников восточного происхождения (RIB, 1601). Разумеется, единичная находка практически может только подтвердить мысль, что в Британии среди носителей восточных культов преобладали лица европейского происхождения: германцы, галлы, италийцы.

Этническое происхождение дедиканта не определяет в конечном счете характера его верований, зато четко прослеживается связь между социальным положением почитателя того или иного культа и его религиозными взглядами. Так, вопреки утвердившемуся в западноевропейской и американской исторической литературе представлению о том, что основными носителями восточных культов, т. е. «ориентализированными», были низшие слои населения: рабы, вольноотпущенники, свободные бедняки, деклассированные элементы, советские ученики, как мы указывали выше, считают, что «ориентализиро-

ванными» были в основном высшие и среднезажиточные слои населения. Анализ британского материала полностью подтверждает эту мысль. Эти же круги были наиболее романизированными, лояльно настроенными по отношению к правительству, отсюда их широкое участие в восточных культах, которые находились под покровительством римских императоров.

Восточные культы играли заметную роль в религиозной жизни римских гарнизонов, но оставались чуждыми для громадного большинства населения страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Toynbee J. M. C. *Art in Britain under the Romans*. Oxf., 1964; eadem. *A Silver Casket and Strainer from the Walbrook Mithraeum in the City of London*. Leiden., 1963.

2. Collingwood R. G. and Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. Oxf., 1956; Frere Sh. *Britannia. A History of Roman Britain*. L., 1967.

3. Wacher J. *The Towns of Roman Britain*. Berkeley—Los Angeles, 1974.

4. Webster Gr. *The Roman Imperial Army of First and Second Centuries A. D.* L., 1969.

5. Harris E. and Harris J. *The Oriental Cuits in Roman Britain*. Leiden, 1965, p. VII.

6. Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I—III вв. М., 1977; Колосовская Ю. К. Коллегия почитателей Исида из Паллония.—В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.

7. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

8. Collingwood R. G. and Wright R. P. *Roman Inscriptions of Britain*, v. I. Oxf., 1965 (RIB); об этом издании см.: Садовская М. С. Надписи римской Британии. — ВДИ, № 3, 1975. В дальнейшем в тексте статьи номера надписей будут указываться в скобках.

9. Green M. J. *The Religions of Civilian Roman Britain. A Corpus of Religions Materials from Civilian Areas of Roman Britain*. Oxf., 1976.

10. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, pp. 1, 3—4, 17, 23—4, 28, 26—37, 38; Green M. *Op. cit.*, pp. 99—101; Wacher J. *Op. cit.*, p. 223, 355; Thompson F. H. *Deva—Roman Chester*, 1959, p. 39.

11. Grims W. F. *The Excavation of Roman and Mediaeval London*. New-York—Washington, 1968.

12. Home G. *Roman London*. L., p. 205.

13. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 34; Grims W. F. *Op. cit.*, p. 92.

14. Wacher J. *Op. cit.*, p. 103.

15. Grims W. F. *Op. cit.*, p. 139—142.

16. Чубова А. П. Искусство Европы I—IV вв. М., 1970, с. 265.

17. Toynbee J. M. C. *Art in Britain...*, p. 99.

18. Grims W. F. *Op. cit.*, p. 108.

19. Toynbee J. M. C. *Art in Britain...*, p. 99.

20. Toynbee J. M. C. *A silver casket and strainer from the Walbrook Mithraeum in the City of London*. Leiden., 1963.

21. *Ibid.*, p. 13.

22. Wacher J. *Op. cit.*, p. 105; Green M. *Op. cit.*, p. 54.

23. Vermaseren M. J. *Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithraicae*. Hague, 1956.
24. Frere Sh. *Op. cit.*, p. 362.
25. Wachser J. *Op. cit.*, p. 229, 355.
26. Collingwood R. G. and Richmond I. A. *The Archaeology of Roman Britain*. L., 1960, p. 161.
27. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 23; Webster Gr. *Op. cit.*, p. 270.
28. Садовская М. С. Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии. — В кн.: «Из истории античного общества», Горький, 1975, с. 107.
29. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 24.
30. Lewis M. *Temples in Roman Britain*. Corbridge, 1966.
31. Lewis M. *Op. cit.*, p. 105.
32. Toynbee J. M. *Art in Britain...*, p. 169.
33. Collingwood R. G. and Richmond I. A. *Op. cit.*, p. 161, 163.
34. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 43.
35. Садовская М. С. Дислокация и этнический состав римских войск..., с. 111—112.
36. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 23; Webster Gr. *Op. cit.*, p. 270.
37. О преобладании германцев в составе указанных легионов см.: Садовская М. С. Дислокация и этнический состав римских войск..., с. 113.
38. Штаерман Е. М. *Ук. соч.*, с. 4.
39. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 72—73.
40. Green M. *Op. cit.*, p. 60.
41. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 96.
42. Green M. *Op. cit.*, p. 56.
43. Merrifield R. *The Roman City of London*. L. 1965, p. 60; Toynbee J. M. C. *Op. cit.*, p. 92; Green M. *Op. cit.*, p. 56—57.
44. *Ibid.*
45. Toynbee J. M. C. *Op. cit.*, p. 93.
46. Lewis M. *Op. cit.*, p. 116.
47. Burn A. R. *The Romans in Britain. An anthology of inscriptions*. Oxf., 1965, 53.
48. Lewis M. *Op. cit.*, p. 116.
49. Toynbee J. M. C. *Op. cit.*, p. 95.
50. Harris E. and Harris J. *Op. cit.*, p. 113.
51. *Ibid.* pp. 82—89.
52. *Ibid.*
53. *Ibid.* pp. 92—93.
54. *Ibid.*, p. 83.
55. Ross A. *Pagan Celtic Britain*. L., 1967, p. 368.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) сборники источников, справочные пособия, общие труды

Fgr Hist	— Jacoby F. <i>Die Fragmente der griechischen Historiker</i> . Tl. I, Berlin, 1923.
SHA	— <i>Scriptores Historiae Augustae</i> .
Ig ²	— <i>Inscriptiones graecae. Editio minor</i> , vol. I—III. Berlin, 1913—1924.
Tod	— Tod M. N. <i>A Selection of Greek Historical Inscriptions</i> , 2nd edition, vol. I—II. Oxf., 1946—1948.

- C.I.L. — Corpus Inscriptionum Latinarum.
 RIB — The Roman Inscriptions of Britain, vol. 1. Oxf., 1965.
 RE — Pauly—Wissowa—Kroll—Mittelhaus—Ziegler Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft.
 САН — The Cambridge Ancient History, vol. I—XII. Cambr. 1929—1939.

б) периодические издания

- ВДИ — Вестник Древней Истории.
 ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Симферополь.
 КСИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной культуры. М.-Л.
 КСИА — Краткие сообщения Института Археологии. Киев.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
 ОАК — Отчеты Археологической Комиссии за 1893—1912 гг. СПб.—Пг.
 СА — Советская археология. М.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 REA — Revue des Etudes Anciennes.
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique.
 CHJ — Classical Historical Journal.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Строгачий (Горький). Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI—I вв. Объединение патристических сил эллинов в борьбе при Фермеи (дх. Перевод и комментарии)	3
И. Р. Блохина (Горький). К вопросу о симмахии Тимолеонта в Сицилии	21
С. К. Сизов (Горький). Итальянская политика Рима в провинциях Сицилии в эпоху республиканской	27
Ю. Б. Циркин (Ильинский). Византизм в истории фессалейских городов Западного Средиземноморья	39
А. Н. Гуров (Федосеев). Фессалия и Фессалия в системе Восточного Средиземья	50
С. Ю. Сапрыкин (Матвеев). Культ Деметры в Бонифракском царстве в VI—IV вв. до н. э. (К вопросу о сохранении обрядов земледельческого бога в Бонифраке)	59
М. С. Садовская (Горький). Заступница калиты в римской Британии	72

Св. план 1983, лис. 288

ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Редактор И. В. Тамберг

Технический редактор Г. В. Тамберг

Корректор И. А. Аркудова

Сдано в набор 05.01.83. Издательский листки 20,09,83. МП 02409. Формат 60×90¹⁶. Бумага оберточная. Типографа литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 525. Усл. сет. л. 5. Тираж 850 экз. Заказ 3843. Цена 80 коп.
Горьковский государственный университет им. Н. П. Дубачевского,
г. Горький, пр-кт Гагарина, с. 23

Державская типография Горьковского областного управления
печатного дела, типография и книжный торговый,
Державский проспект Цапкаевского, 15